

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный профессионально-педагогический
университет»

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
«ВОЛШЕБНЫЕ СУЩЕСТВА» В ПРОЗЕ ДЖ. К. РОУЛИНГ

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование
профилю подготовки «Образование в области иностранного языка
(английского)»

Идентификационный код ВКР: 103

Екатеринбург 2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный профессионально-педагогический
университет»
Институт психолого-педагогического образования
Кафедра германской филологии

К ЗАЩИТЕ ДОПУСКАЮ:
Зав. кафедрой ГФ
_____ Б.А. Ускова
«18» июня 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Функционально-семантическое поле
«волшебные существа» в прозе Дж. К. Роулинг

Исполнитель: Обучающаяся группы № ИА-404	_____	Воротынова Л.И.	_____
	(подпись)		(подпись)
Руководитель	_____	Шустрова Е.В., д.фил.н., профессор	
	(подпись)		
Нормоконтролер	_____	Ветлугина Н.О., к.п.н., ст.преподаватель	
	(подпись)		

Екатеринбург 2018

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования.....	7
1.1. Основные подходы к трактовке понятия функционально-семантического поля.....	7
1.2. Основные подходы к трактовке понятия «модель сочетаемости»	21
1.3. Использование системных взаимосвязей слов в практике преподавания иностранного языка	32
Выводы.....	36
Глава 2. Описание основных моделей сочетаемости для функционально-семантического поля	37
2.1. Основные модели сочетаемости функционально-семантического поля «волшебные существа».....	37
2.2. Частотность употребления основных моделей сочетаемости для функционально-семантического поля	73
Выводы.....	79
Заключение.....	81
Библиографический список	83

Введение

Данное исследование посвящено изучению моделей сочетаемости функционально-семантического поля волшебных существ в романах Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня» и «Гарри Поттер и Орден Феникса».

Язык является важнейшим средством коммуникации. Для успешного протекания процессов коммуникации нужно знать не только правила формирования слов и правила распознавания их смысла, но также нужно располагать знанием правил сочетания слов в речи. Язык является сложной функционирующей системой, и наиболее полно установить механизмы, закономерности связей между элементами языка и их специфические черты с помощью анализа сочетаемости помогает объединение слов в функционально-семантические поля.

Проблемами функционально-семантических полей и сочетаемостью занимались такие ученые, как А. В. Бондарко, Т. М. Дорофеева, Т. П. Плещенко, И. А. Стернин, З. А. Харитончик и многие другие. Обучение английскому языку очень тесно связано с изучением английской литературы. Работа над художественной литературой способствует развитию языковых навыков. Она является источником синтаксических, лексических и грамматических образцов. При работе над художественным текстом необходимо распознавать индивидуально-авторские модели, разбирать, как то или иное понятие фиксируется в художественном тексте. Все эти факторы обуславливают **актуальность** проведенного исследования.

Объектом исследования являются модели сочетаемости функционально-семантических полей в современной британской художественной литературе.

Предмет исследования — ведущие модели сочетаемости функционально-семантических полей в романе-фэнтези Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня» и «Гарри Поттер и Орден Феникса».

Целью работы является выявление и описание основных моделей сочетаемости функционально-семантического поля «волшебные существа», а также выделение индивидуальных авторских особенностей фиксирования единиц поля в тексте.

Для достижения поставленной цели предполагается решение ряда задач:

- изучить основные подходы к трактовке понятия «функционально-семантическое поле»;
- выявить подходы к трактовке термина «модели сочетаемости»;
- выделить подполя, составляющие поле «волшебные существа»;
- описать основные модели сочетаемости поля.

В качестве **основных методов** исследования в работе были использованы описательный и сравнительный методы, реализованные через комплекс методик и приемов анализа, таких, как определение семантики единиц выборки, выявление моделей сочетаемости.

Материал исследования был получен путем сплошной и репрезентативной выборки из романов-фэнтези Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня» и «Гарри Поттер и Орден Феникса». Было проведено исследование 137 примеров употребления, которые составили 7 функционально-семантических подполей.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлен ряд частных наблюдений и выводов, сделанных в результате анализа конкретного материала.

Теоретическая значимость заключается в том, что данное исследование предоставляет материал для дальнейших теоретических обобщений, способствует разработке таких теоретических проблем, как взаимодействие языка и мышления, роли языка в формировании картины мира, взаимодействие различных уровней языковой системы.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его материалов при написании учебно-исследовательских работ студентами, специализирующимися в сфере теоретической грамматики,

когнитивной лингвистики и стилистики. Иллюстративный материал может быть применен в рамках изучения курсов теоретической грамматики, стилистики, интерпретации текста.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Во введении указываются предмет и объект исследования, формулируется цель и соответствующие ей задачи. Описывается структура работы, научная новизна исследования и его теоретическая и практическая ценность. В первой главе рассматриваются общие теоретические вопросы. Во второй главе описываются и анализируются результаты исследования. В заключении подводятся основные выводы по проведенному исследованию.

Апробация исследования. Основные положения и выводы работы были представлены для X студенческой научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и методики» (г. Екатеринбург, 2018).

Глава 1. Теоретические основы исследования

В данной главе будут исследованы основные подходы к трактовке базовых терминов исследования, к которым относятся «функционально-семантическое поле» и «модели сочетаемости», а также будут рассмотрены методы и пути их использования в преподавании.

1.1. Основные подходы к трактовке понятия функционально-семантического поля

Суждение о лексике как о многоаспектном, многообразном и целостном системном объекте разъясняет возможность построения различных, но в то же время взаимосвязанных ее подсистем. Изучение лексической системы языка проходит, как правило, в форме обнаружения лексических группировок разнообразного типа и объема, а также определения их взаимоотношений друг с другом. Поиски путей исследования системных связей лексического состава привели к появлению теории функционально-семантического поля.

Функционально-семантическое поле как понятие относится к функциональной лингвистике. Для функциональной лингвистики свойственно существенное внимание к функционированию языка как средства общения. Для функциональной лингвистики важнейшей характеристикой считается интерес к работе языка как коммуникативного средства. В проводимых современными лингвистами исследованиях большое значение имеет функциональный подход к языковым явлениям как подход, при использовании которого за основу берется какое-либо общее значение, после чего устанавливаются различные разноуровневые языковые средства, служащие с целью выражения данного общего значения [Роменская, 2002: 185].

Многие лингвисты говорят о необходимости изучения языка с точки зрения функционального подхода, то есть в необходимости изучения определенных ситуаций, действий, тесных связей различных языковых

явлений и многого другого. Функциональный подход к исследованию языковых явлений позволяет изучать объект не только с точки зрения его внутреннего строения, а также его функционирования и связей с окружающей средой. Данный подход дает возможность исследовать язык в его конкретной реализации, в действии; изучить языковые средства передачи экстралингвистических ситуаций; исследовать языковые средства в синтезе, в их неразрывной связи, в естественных условиях речевого общения [Петросьян, 1999: 98].

Изучение языка с функциональной точки зрения тесно связано с функциональной грамматикой. Функциональной грамматикой называется раздел лингвистики, который изучает и описывает закономерности функционирования грамматических единиц. Функциональная грамматика подвергает рассмотрению систему языковых средств разных уровней, которые служат для формулирования тех или иных значений [Бондарко, 2005: 35].

Как считает А. В. Бондарко, функциональная грамматика – это грамматика, которая, во-первых, обращена на отображение правил и закономерностей работы форм и конструкций грамматики, которые принимают участие во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания [Бондарко, 2001: 32]. Во-вторых, функциональная грамматика включает описание семантических категорий, которые опираются на всевозможные средства грамматического выражения в языке в их взаимодействии с средствами лексики и контекста.

Таким образом, функциональная грамматика производит описание и изучение функционирования единиц грамматического строя языка для передачи мыслительного содержания [Бондарко, 2001: 33].

В функциональной грамматике, ориентированной на описание закономерностей функционирования грамматических единиц, выделяется такой термин, как функционально-семантическое поле (ФСП).

Термин функционально-семантического поля базируется на теории понятийных категорий [Бондарко, 2001: 45]. Функционально-семантическое

поле является двусторонним содержательно-формальным единством. Это единство создается грамматическими средствами языка (морфологическими и синтаксическими) с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими, словообразовательными элементами, которые принадлежат той же семантической области.

Теория поля охватывает массу точек зрения, которые представляют собой варианты общей идеи, которая заключается в семантической взаимосвязи слов друг с другом в языке.

Одним из первых, кто обратился к термину семантического поля, был Г. Ипсен. По его определению семантическое поле представляет собой совокупность слов, обладающих общим значением [Ipsen, 1924: 120].

Существуют многие другие различные толкования понятия «семантическое поле». Одним из первых, кто обратился к понятию семантического поля, стал ученый-лингвист Й. Трир. Согласно его теории, поле заключается в элементарных единицах – понятии и слове. Он описывал наличие у всех единиц семантического поля признака, которые выражает общее, и одного или нескольких признаков, которые выражают частное, проявляющее отличие лексических единиц друг от друга в пределах поля. [Клюева, 2016: 44]. По Й. Триру, в сознании человека лексические единицы не разрознены между собой, а объединены по смыслу друг с другом. Таким образом, Трир обозначил, что языковое поле – это группа родственных смыслов или смысловая сфера. Как пример Й. Трир привел сферу интеллекта, обозначив в одну группу слова «разум», «рассудок», «ум», «мудрость» и так далее [Трир, цит. по Боровиковой, 1989: 27]. Работы Й. Трира стали стимулом для дальнейших исследований полевой структуры.

Ю. С. Маслов считает, что слова и их концептуальные значения существуют в определенном взаимоотношении с другими словами и их значениями, образуя семантическое поле. Семантическим полем Ю. С. Маслов называет множество слов и их концептуальных значений, которые связаны единым фрагментом действительности. Входящие в поле

слова создают тематические группы. Ю. С. Маслов приводит в пример группы, обозначающие родство (отец, мать, брат и т.д); процессы мыслей (вспоминать, считать, думать) и прочие. По мнению Ю. С. Маслова, все лексические единицы, которые относятся к определенной тематической группе, нужно рассматривать как самостоятельные микросистемы и выделять разные типы семантических связей [Маслов, 1987: 96].

Е. В. Гулыга, давшая функционально-семантическим полям другое название – грамматико-лексические, характеризовала их как различные средства грамматических и лексических уровней, которые выражают и объединяют общие значения. Они, по ее словам, связаны неслучайными взаимоотношениями, которые дают возможность найти определенные закономерности. И эта совокупность взаимодействующих средств образует систему – грамматико-лексическое поле. [Гулыга, Шендельс, 1969: 8-9].

Л. М. Васильев называет функционально-семантические поля лексико-грамматическими, и утверждает, что они могут быть переданы в плане выражения как лексическими (в том числе словообразовательными), так и грамматическими средствами [Васильев, 1990: 135]. По словам Васильева, под термином принято понимать семантические группы слов какой-либо одной части речи, и группы слов разных частей речи, и функционально-грамматические поля [Васильев, 1990: 126]. Поэтому, именно вложенный смысл служит следствием объединения слов в «поле». Важно отметить, что в семантическое поле входят лексико-семантические варианты слов, то есть семемы, а не сами слова. Именно поэтому слова со множеством значений иногда принадлежат множеству понятийных полей.

Л. М. Васильев, как и многие другие лингвисты, опирается на исследования А. В. Бондарко, который в российской лингвистике стал родоначальником российской школы функциональной грамматики. Он одним из первых ввел в обиход термин функционально-семантического поля, которым занимался наиболее подробно и системно.

Под термином функционально-семантического поля А. В. Бондарко понимает систему групп однотипных или разноструктурных языковых единиц определенного языка, которые объединены общностью и взаимодействием их семантических функций [Бондарко, 2001: 37-38]. Согласно его исследованиям, функционально-семантическое поле – это двухстороннее, содержательно-формальное единство, которое формируется грамматическими, морфологическими и синтаксическими средствами того или иного языка вместе с лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, которые относятся к той же семантической зоне [Бондарко, 2001: 40].

По А. В. Бондарко функционально-семантические поля – это единства, которые имеют план содержания и план выражения. При анализе функционально-семантического поля происходит исследование поля в качестве системы особого типа. Дается разъяснение плана содержания функционально-семантического поля, исследование связей и пересечений, рассмотрение их группировок, отображение определенной совокупности ФСП в качестве системы.

В современной лингвистике термин ФСП означает языковые единицы, которые объединены единством содержания, понятийным, предметным или функциональным сходством обозначаемых явлений. [Клюева, 2016: 33].

По И. М. Кобозевой функционально-семантическое поле описывается как совокупность языковых единиц, которые объединены между собой единством содержания и передают понятийную, предметную или функциональную схожесть явлений [Кобозева, 2000: 99].

В большом энциклопедическом словаре термин «поле» толкуется как совокупность языковых единиц, которые объединены единством содержания и понятийной, предметной или функциональной схожестью обозначаемых явлений [БЭС, 1998: 380]. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой семантическое поле описывается как «частичка» реальности, которая выделена с помощью человеческого опыта и теоретически имеющая в

том или ином языке соответствие в автономной микросистеме. Это совокупность слов, которые составляют тематический ряд, покрывающий ту или иную область значений [Ахманова, 2004: 334].

Анализ дефиниций функционально-семантического поля демонстрирует, что в роли критерия связи лексических единиц и введения их в ту или иную группу выдвигаются лексические значения в целом, смысловые и семантические признаки, разнообразные значения того или иного слова или версии его значения, смысловые компоненты и многое другое. В роли подобного общего элемента могут выдвигаться понятие, тема, некая ситуация и т.д.

Понятие функционально-семантического поля вводится для эффективного изучения особенностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии языковой среды и системы. Преимущество функционально-семантического подхода к исследованию языковых явлений заключается в возможности изучить эти явления не только с точки зрения его внутреннего строения, но и в плане функционирования и связей с окружающей средой. Этот подход дает возможность исследовать язык в его конкретной реализации, в действии, изучить языковые средства передачи лингвистических явлений.

По мнению К. Биггса, теория функционально-семантического поля допускает существование безграничного множества полей, которые пересекаются, накладываются друг на друга и не имеют самостоятельного и единственного способа разделения семантического пространства языка [Biggs, 1982: 116].

По словам Г. С. Щура, преимущество функционально-семантического подхода к изучению поля в том, что поле рассматривается в качестве межуровневого явления и исследуется с позиций как функциональной точки зрения, так и общих семантических признаков [Щур, 1974: 64, 72]. Функциональный и семантический критерии дают возможность для наиболее полного и системного исследования явлений языка.

Понятие функционально-семантического поля связана с теорией о гипонимии. Гипонимия – одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле и представляет собой иерархическую организацию элементов поля. Эта организация основывается на родо-видовых отношениях. Важнейшими понятиями теории являются гипоним и гипероним [Brinton, 2000: 112]. В лингвистике гипоним является словом или фразой, семантическое поле которой включено в понятие другого слова, обозначающее более общее понятие, которое называется гиперонимом [Stede, 2014: 93].

Например, слова «питбуль», «далматинец», «ретривер» и «бульдог» – гипонимы слова «собака», который в данном случае считается гиперонимом. Но, в отношении слова «животные», слово «собака» уже является гипонимом.

Таким образом, гипонимия показывает взаимосвязь между общим термином (гиперонимом) и более узким (гипонимом). Подход к установлению взаимосвязей между гипонимами и гиперонимом состоит в том, чтобы рассматривать гипероним как набор гипонимов. Использование данного подхода, однако, усложняется абстрактными словами, такими как «воображение», «понимание», «знание» и многими другими.

Данное явление отличается от синонимии. В отличие от нее, гипонимия определяется в терминах односторонней замены, то есть иногда возможно произвести эквивалентную замену гипонима на гипероним как подведение вида под род, однако не всегда можно произвести замену гиперонима на гипоним. К примеру: «он купил розы» и «он купил цветы». В данном случае замена гипонима «цветы» на гипероним «розы» невозможна (если нет достоверной информации о виде цветов), так как цветы могут быть не только розами.

Хотя гипонимы обычно используются для обозначения существительных, данный подход также можно использовать и с другими частями речи. Подобно существительным, гиперонимы среди, например, глаголов – это слова, которые относятся к какой-либо широкой категории

действий. Например, глаголы, такие как «глазеть», «таращиться», «оглядывать», могут считаться гипонимами глагола «смотреть», который является их гиперонимом.

Лингвисты выделяют особую специфичность структуры функционально-семантических полей. В. Г. Адмони определил концепцию полевой структуры явлений грамматики языка, выделив в строении поля центр («ядро», «сердцевина») и периферию [Адмони, 1988: 111].

Ядром поля принято считать основное значение, которое находится в меньшей, чем остальные, зависимости от контекста. К ядру относятся наиболее частотные, доминирующие элементы поля. К периферии того или иного поля относят контекстно-связанные понятия [Стернин, 1985: 11].

Идею о делении поля на ядро и периферию изучили многие другие лингвисты. Например, М. М. Гухман считает, что любое поле содержит в себе неравноправные по иерархии компоненты, что делает деление поля на ядро и периферию необходимыми. Однако, кроме единиц, которые образуют ядро и занимают главную позицию, любое поле охватывает образования разных типов, которые расположены на периферии в разной степени приближения к ядру, которое формирует это поле [Гухман, 1971: 169].

Н. А. Боровикова также считает, что поле обладает специфической структурой, состоящей из ядра и периферии. Данной структуре, по ее мнению, присуща наибольшее сосредоточение полнообразующих признаков в ядре и малый набор данных признаков в периферии с вероятностью их меньшей интенсивности [Боровикова, 1989: 4].

А. В. Бондарко по данному вопросу заявляет, что любое функционально-семантическое поле структурировано по принципу «ядро – периферия», и в них неизменно присутствует постепенный переход от центра к периферии [Бондарко, 1976: 217-241]. Ядром или центром функционально-семантического поля является та единица языка, которая более всего специализирована для передачи данной категории семантики [Бондарко, 1998: 567]. Центр (ядро) является оптимальным сосредоточиванием всех

типичных для данной языковой единицы признаков. В единицах периферии наблюдается случай отсутствия одного или нескольких признаков.

Каждый член поля состоит в отношениях различного семантического рода. Складываются они по отношению к ядру поля, но, в зависимости от изучаемой группы слов, специфика этих отношений различается. Неизменным свойством семантического поля является его неравномерность, проявляющаяся в неоднородной структуре поля; в присутствии ядра, периферии и неравнозначности семантических отношений членов поля [Босова, 1980: 94].

Однако, по мнению ученых, разграничение на ядра и периферии значения может быть необъективным.

Лингвистами предлагается относить к ядру поля наиболее существенные семантические компоненты, однако данный критерий можно отметить как относительный и даже субъективный. Данная оценка зависит от ситуации, состава противопоставлений, и, самое главное, личности того, кто оценивает, и поэтому данное деление на ядро и периферию носит вероятностный характер [Стернин, 1985: 63].

К примеру, И. А. Стернин приводит следующий пример. Во фразе «я ему поверил» слово «поверил» относится к ядру поля прошедшего времени. Во фразе «так я ему и поверил» это же слово относится уже к периферии поля со значением «экспрессивного отрицания факта в будущем». Эти случаи принято называть некатегориальными значениями, в противовес категориальным, то есть центральным значениям. Невозможно однозначно отнести какую-либо сему к ядру, так как отличительность каждого признака относительна из-за ее ситуативности [Стернин, 1985: 63].

Отличительным признаком может стать всякий признак предмета, как существенный, так и несущественный. К примеру, признак наличия перьев отличает слово «голубь» от множества других слов, однако не отличает от слов «ворона» или «воробей», от которых он должен быть отличен, если производится выборка для поля «птицы». Поэтому, на данном примере можно

сделать вывод о том, что, дифференциальность семантического компонента нельзя считать достоверным критерием разграничения сегментов поля на ядро и периферию.

Изучение ядра и периферии полей дает возможность обнаружить семантические особенности ряда семантических групп. К примеру, благодаря исследованиям выяснено, что слова с абстрактным значением обладают небольшой периферией или же совсем ее не имеют и состоят из одного ядра [Стернин, 1985: 64].

Например, установлено, что слова с абстрактным значением обладают минимальной периферией или же не имеют ее совсем, а состоят из одного ядра. К таким словам обычно относятся, к примеру, местоимения и числительные. В полях слов конкретной семантики, как правило, имеется и ядро, и периферия. Особенно данный факт проявляется у существительных. Оценочные прилагательные также обычно не обладают периферией в поле. Имена собственные же можно подвергать анализу как семантический разряд слов, почти лишенных ядра.

Структурная типология функционально-семантического поля по А. В. Бондарко состоит из двух типов.

Первым являются моноцентрические поля, то есть сильно центрированные. Они опираются на сильный центр (ядро). В русском языке таковыми являются поля аспектуальности, залоговости, компаративности, модальности, темпоральности.

Вторым типом являются полицентрические поля, то есть слабо центрированные, не обладающие сильным центром (ядро). В русском языке это поля таксиса, бытийности, состояния, объектности, субъектности и т. д. [Бондарко, 2001: 61-62].

Наиболее полной считается типология функционально-семантического поля Л. М. Васильева. Он выделяет пять типов:

1) семантические группы одной части речи, единицы которых находятся в парадигматических отношениях друг с другом и объединяются в 4 типа

парадигм: лексико-грамматические разряды, синонимические ряды, антонимические ряды, лексико-семантические группы;

2) семантически соотнесенные классы слов разных частей речи. Они могут состоять не только в парадигматических, но и синтагматических взаимоотношениях;

3) синтаксические парадигмы (словосочетания или предложения), которые связаны трансформационными (синонимическими и деривационными) взаимоотношениями;

4) функционально-семантические поля, которые представлены не только лексическими, но и грамматическими средствами;

5) семантико-синтаксические поля смешанного типа, которые образованы путем объединения в одной семантико-синтаксической модели типа «деятель – действие – объект».

Из типологии Л. М. Васильева следует, что термин функционально-семантического поля способен иметь два смысла: широкое и узкое. В широком понимании функционально-семантическое поле означает любое языковое поле, в котором экспоненты выражаются не только лексическими, но и грамматическими средствами языка, которые репрезентируют парадигматические, синтагматические и смешанные структуры. В более узком понимании функционально-семантическое поле означает парадигматическое поле, в котором экспоненты выражаются лишь простыми и сложными лексемами. Типология функционально-семантических полей Васильева считается исчерпывающей в плане анализируемых в современной лингвистике типов лексических объединений, обладающих общим инвариантом [Васильев, 1985: 3-9; Васильев, 1971: 105-113].

Свойства полей, которые включают в себя структуру, отношения между его элементами, ядро и периферию, неравномерность и аттракцию, являются обязательными для каждой полевой модели. Но, по мнению Е. Л. Кривченко, вместе с тем модель поля способна иметь и дополнительные свойства, которые характерны лишь для нее [Кривченко, 1973: 100].

По мнению И. М. Кобозевой, функционально-семантическое поле можно охарактеризовать такими основными свойствами, как, во-первых, присутствием семантических взаимоотношений (корреляций) между словами того или иного поля; во-вторых, системным характером данных взаимоотношений; в-третьих, зависимостью друг от друга лексических единиц; в-четвертых, относительной автономностью поля; в-пятых, постоянностью обозначения смыслового пространства поля и, наконец, взаимосвязью семантических полей в пределах всего лексического словаря [Кобозева, 2000: 99].

Функционально-семантическое поле считается множеством, включающим не только слова во всей всесторонности их семантической структуры, но также и лексико-семантические варианты многозначных слов, которые выражают соответствующее понятие. Каждый лексико-семантический вариант в структуре слова обладает собственным значением и может входить в разнообразные лексические группы.

По словам Г. С. Щура, особенность поля в качестве способа существования объекта характеризуется явлением аттракции. Оно заключается в том, что из-за существования групп элементов, объединенных общим признаком, в эти группы включаются новые элементы с этим же признаком [Щур, 1974: 101-102].

Функционально-семантическое поле являет собой синтез функционально-семантических микрополей (подполей). По словам А. В. Бондарко, функционально-семантическое микрополе означает собой минимальный элемент функционально-семантической категории, обладающий самостоятельностью касаясь выражения и содержания. Микрополе может располагаться на стыке различных функционально-семантических категорий в тех случаях, когда их пространства накладываются друг на друга [Бондарко, 1971: 68-72].

Однако, в применении функционально-семантического подхода при изучении языка могут возникнуть трудности.

А. В. Бондарко говорит, что тот или иной язык интерпретирует явления, свойства и взаимоотношения языковой действительности по-своему [Бондарко, 1998: 566]. В одних языках те или иные понятийные категории передаются с помощью лексико-грамматических средств, в других с помощью лексических или контекстуальных. Но встречаются значения, передающиеся лексическими, лексико-грамматическими и контекстуальными средствами одного языка, которые не всегда тождественны смыслу, передающимся средствами иного языка. Таким образом, функционально-семантическое поле того или иного языка как содержательно-формальное единство обладает своими собственными лингвокультурологическими характеристиками в плане содержания и выражения. Любой язык своеобразен в своих значениях.

Также, семантические сдвиги могут осложнить использование подхода. Семантический сдвиг — это изменение лексического значения слова [Варбот, 1998: 33]. Установлено, что семантический сдвиг одного слова может сказываться и на других словах этого семантического поля [Blank, 1999: 63].

А. Бланк выделил несколько типов семантических сдвигов в языке [Blank, 1999: 63]:

- 1) метафоризация. Например, слово «mouse», означающее «мышь», также приобрело значение компьютерного девайса.
- 2) метонимизация. Например, «horn» означает не только рог животного, но и музыкальный инструмент.
- 3) сужение значения. Например, слово «corn», означающее «зерно», может иметь значение «пшеница» (UK) или «кукуруза» (US).
- 4) расширение значения. Слово «палец» изменило значение с «большой палец» на «любой палец».
- 5) горизонтальный сдвиг значения слова. Например, при изучении некоторых диалектов английского языка можно обнаружить смешение слов «mouse» (мышь) и «rat» (крыса).

б) антифразис, то есть употребление слова в его противоположном значении, обычно ради иронического эффекта. Например, фраза «perfect lady» может означать легкодоступную женщину.

7) энантиосемия, то есть совмещение в семантике слова противоположных значений. Например, иногда «bad» (плохой) может означать на сленге «хороший», «отличный».

8) автоконверсия, обозначающая в случаях лексического выражения отношения между двумя противоположностями. К примеру, в некоторых диалектах английского языка можно столкнуться с использованием слова «to take» (брать) в качестве слова «to give» (давать).

9) эллипсис, то есть изменение, основанное на смежности, сопредельности слов. Например, слово «car» изменило значение с «телега» на «автомобиль».

10) народная этимология, то есть изменение, основанное на схожести слов. Например, английское «country dance» также перешло во французский «contredanse».

Среди причин, вызывающих семантические сдвиги, основными являются причины экстралингвистического характера: исторические, социальные, экономические, технологические и многие другие изменения в жизни человека [Харитончик, 1992: 44].

Следующая причина семантических сдвигов – внутрилингвистическая. К данному типу причин принято относить постоянную совместную сочетаемость [Харитончик, 1992: 45]. К примеру, такие эвфемизмы, как «great», «big», «quick», «gone», имеющие значение «беременная», использовали в сочетании с «child» или «young» и предлогом «with». Данные сочетания помогли сформировать и укрепить значение [Лазаревич, 2014: 87].

Таким образом, при использовании концепции функционально-семантических полей для исследования языка, следует учитывать множество факторов, которые так или иначе способны повлиять на семантическое

значение того или иного слова и, как следствие, порождают вероятность допущения ошибок в формировании семантических полей.

Тем не менее, анализ языковых ситуаций с использованием данного подхода помогает наиболее полно и объективно выделить особенности и закономерности функционирования языка. Данный подход к изучению языковых явлений очень эффективен, так как помогает раскрыть системные связи и организацию языка на всех его уровнях. Функционально-семантическое поле как понятие лингвистики имеет огромный интерес для изучения, так как направлено на решение вопросов разработки проблем репрезентации на материалах одного языка или при сопоставлении языков. Теория поля восходит к анализу языка как системы, обладающему сложным механизмом.

Теория поля указывает на язык как на систему подсистем, взаимодействующих и взаимопроникающих друг в друга. Язык представляется в качестве функционирующей системы, в которой постоянно перестраиваются элементы и отношения между этими элементами. Через процесс полевого структурирования между языковыми явлениями и неязыковой действительностью обнаруживаются диалектические связи, механизмы данных связей и их закономерности, открываются характеристики языкового сознания, выявляются специфические черты. Поле являет собой одну из форм систематизации языкового материала и значений в системе языка.

Хоть понятие функционально-семантического поля толкуется лингвистами неоднозначно и противоречиво, а также до сих пор развиваются и уточняются, данный факт не препятствует анализу многих явлений языка на базе различных теорий поля.

1.2. Основные подходы к трактовке понятия «модель сочетаемости»

Точность речи человека характеризуется соответствием ее смысловой стороны и отражаемой реальной действительности. Это выражается в умении

применять адекватное языковой ситуации словесное выражение. Для достижения данной задачи требуется знать семантику слов и уметь учитывать сочетаемость этих слов, то есть особенности их комбинирования с другими словами в контексте. Причем, именно в контексте употребления и реализуется семантика слова [Плещенко, 2001: 39].

Таким образом, главным аспектом лексических единиц и слова в качестве центральной единицы лексики, которое устанавливает построение в речи грамматически и семантически правильных высказываний, считается способность слов сочетаться друг с другом.

Вопрос исследования возможностей сочетаемости слов привлекает к себе большое внимание лингвистов. Зарождение теории сочетаемости происходило в одно и то же время в русском и зарубежном языкознании. Основанная на линейных взаимоотношениях единиц языка, сочетаемость именуется синтагматикой в зарубежной лингвистике. Следом за открытием Ф. де Соссюром в «Курсе общей лингвистики» (1916) синтагматических взаимоотношений языковых единиц началось их внимательное исследование в языкознании.

В XX в. проблемами сочетаемости единиц языка интересовались почти все лингвистические школы. Но взгляды на этот вопрос сильно различались. Это нашло отражение в особых подходах к исследованию сочетаемости и возникновению многочисленных терминов, рассматриваемых с разных точек зрения, но обозначающих одно и то же – сочетаемость языковых единиц.

Термин «сочетаемость» означает свойство языковых единиц сочетаться между собой в речи при образовании единиц более высокого уровня [Ахманова, 2007: 268]. Сочетаемость считается одним из фундаментальных свойств единиц языка [Гак, 1990: 119]. В синтаксисе сочетаемость рассматривается в качестве взаимоотношений подчинения на уровне словосочетания.

Т. М. Дорофеева говорит о том, что при изучении сочетаемости иностранного языка необходимо осознать системный характер сочетаемости

слов. Сочетаемость, в конечном итоге, должна быть представлена эксплицитно, в виде правила, которое учитывало бы все компоненты данного языкового явления. Этого можно достигнуть, если использовать такое понятие как модель сочетаемости, которое дает возможность распределить большое разнообразие конкретных словосочетаний по определенным структурным типам [Дорофеева, 1984: 109]. Модель сочетаемости – организованная модель, внутри которой сочетаются друг с другом элементы языка.

Т. М. Дорофеева выстраивает концепцию модели синтаксической сочетаемости на примере глагола и его распространителей. Модель синтаксической сочетаемости должна состоять из двух компонентов – главного, независимого компонента и подчиненного, зависимого компонента. Эти компоненты обладают определенным набором свойств, которые автор называет различительными признаками.

По мнению Дорофеевой, важнейший различительный признак слова – семантическая структура. Она выделяется потому, что сочетаемость многозначных слов изменяется в зависимости от того, в каком значении употребляется слово. К примеру, играть в футбол – англ. «play football», играть на скрипке – англ. «play the violin» [Дорофеева, 1984: 110].

Ф. де Соссюр первым описал наличие синтагматических и парадигматических взаимоотношений в языковой системе. Сочетаемость, как правило, рассматривается в качестве именно синтагматического аспекта языка.

Синтагматические отношения – это отношения линейной зависимости между единицами языка. Е. С. Кубрякова говорит о синтагматических взаимоотношениях как о взаимоотношениях между знаками языка, которые возникают между последовательно расположенными его единицами при их сочетании друг с другом в потоке речи [Кубрякова, 2002: 447].

Синтагматические отношения осуществляются на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языковой системы.

Для нашего исследования необходимо рассмотрение лексического уровня сочетаемости слов. На лексическом уровне сочетаемость определяют следующие признаки [Гак, 1990: 120].

1. грамматические. Они определяют принадлежность слов к частям речи (например, подчинительное словосочетание двух существительных не свойственно английскому языку, хотя возможно в случае адъективации зависимого существительного либо употреблении служебного слова. К примеру: «my brother's friend», «the friend of my brother»);

2. лексические признаки. Они отображают избирательность лексем (например, в русском языке слово «оказать» сочетается со словом «услугу», но не со словом «заботу»);

3. семантические признаки. Они определяют семантическое согласование, которое заключается в том, чтобы компоненты сочетания не имели противоречащих друг другу сем. Если же это противоречие случается, то нарушается языковая норма либо переосмысливается один из компонентов (к примеру, фраза: «весь дом говорил об этом»).

Единицы одного уровня, вступив в синтагматические взаимоотношения, создадут сочетания – синтагмы. Синтагматический аспект изучения языка образуются из правил сочетаемости данных единиц и их речевой реализации.

Под термином «синтагма» подразумевается совокупность нескольких слов, которые объединены по принципу семантикой, грамматический и фонетической сочетаемости. Размер определенной синтагмы устанавливается не только реальным употреблением слов в связке, но и сочетаемостью; возможностью объединения предметов, признаков и процессов окружающей действительности [Рождественский, 1990: 123].

Главнейшими факторами, которые определяют сочетаемость слова, считаются его значение, лексические особенности и грамматические характеристики. В связи с этим выделяют три типа сочетаемости – семантическую, лексическую и синтаксическую. Синтаксическая сочетаемость обуславливается принадлежностью слов к частям речи,

лексическая – избирательностью лексем, а семантическая – семантическим согласованием – компоненты словосочетания не должны иметь противоречащих сем [Гак, 1990: 483]. Все типы сочетаемости взаимосвязаны и между ними достаточно размытые границы.

Рассмотрим типы сочетаемости подробнее.

Лексическая сочетаемость устанавливается семантическими особенностями слова. В зависимости от лексического значения различается два основных вида лексической сочетаемости слова: свободная и несвободная [Плещенко, 2001: 40].

Под свободной лексической сочетаемостью понимается сочетаемость слов с прямым, номинативным значением. Например, в русском языке глагол «взять» сочетается со словами, которые обозначают предметы («взять палку», «взять стакан» и т.п.). Подобные лексические связи отвечают фактическим логическим связям и отношениям понятий. Границы лексической сочетаемости слов с прямым значением устанавливаются предметно-логическими взаимоотношениями в реальной фактической действительности денотатов соответствующих слов.

Но даже свободные сочетания того или иного языка имеют пределы своей смысловой сочетаемости. Например, в русском языке мы можем употреблять такие сочетания, как «горькое лекарство», «горькие слезы», «горькая участь», но сочетание «горькая борьба» непозволительно.

В английском языке употребляются «bitter tears» (горькие слезы) «bitter enemy» (злейший враг), «bitter wind» (резкий ветер), но выражение «горькая участь» передается сочетанием «hard lot», не со словом «bitter».

Сочетание слов, которые семантически не совместимы, приводит к алогизмам. Например, такие фразы, как «звонкая тишина», «умный дурак» являются алогизмами.

Несвободная сочетаемость слов определена внутриязыковыми, семантическими взаимоотношениями и характерна для слов с фразеологически связанными значениями. Сочетаемость этих слов крайне

избирательна. К примеру, прилагательное «неминуемый» сочетается со словами «смерть», «провал», но не употребляется с «победа», «жизнь». При полисемии (многозначности) фразеологически связанными могут стать отдельные значения какого-либо слова. К примеру, прилагательное «глубокий» попадает в данную категорию при значении «достигший предела в развитии/течении». Круг лексических связей слова в этом значении крайне ограничен. «Глубокий» способен сочетаться со словами «старость», «ночь», «осень», но, например, не может сочетаться со словами «юность», «день», «лето» [Плещенко, 2001: 41].

Особого внимания требует использование фразеологических сочетаний. Фразеологические сочетания являются непродуктивными словосочетаниями и функционируют как уже готовые единицы, то есть применяются в потоке речи как заранее известные устойчивые соединения слов. К примеру, такие словосочетания как: «beat about the bush» (ходить вокруг да около), «blue blood» (голубая кровь, аристократическое происхождение), «big heart» (великодушный человек) и многие другие [Харитончик, 1992: 170].

Границы лексической сочетаемости могут расширяться или сужаться с течением времени [Плещенко, 2001: 40].

Также, правила и особенности лексической сочетаемости специфичны для каждого отдельного языка. Это порождает определенные трудности при переводе с одного языка на другой и вынуждает подбирать эквиваленты не только к отдельным словам, но и к целым словосочетаниям.

Различительными признаками глагольных распространителей являются:

1. обязательность или необязательность зависимого компонента (рассмотренная нами выше);
2. отношения, выражаемые распространителем;
3. количество распространителей в модели.

На настоящий момент установлены лишь наиболее общие зависимости, которые нашли отражение в виде различных аспектов и факторов, ограничивающих сочетаемость, или ограничений, которыми обуславливаются

действие принципа избирательности и его определенные проявления в словосочетаниях какого-либо языка.

З. А. Харитончик выделяет два типа ограничений сочетаемости слов [Харитончик, 1992: 173]:

1. ограничения, определяемые денотатом и возможными признаками слова, которые лежат вне языка в сфере реального мира и его связей;
2. ограничения, возникающие в итоге исторического развития языка, сложившиеся из традиций языкового применения.

Знание первого типа ограничений возможно благодаря знанию окружающей фактической действительности. Благодаря этому знанию, без сложностей создаются словосочетания «green grass» (зеленая трава), «blue sky» (голубое небо), «write a letter» (писать письмо), «spend quickly» (тратить быстро) и т.д. Прилагательное «green» сочетается со всеми наименованиями предметов, у которых имеется свойство зеленого цвета; глагол «write» – с обозначениями того, что может быть написано.

К примеру, сочетания «colourless green ideas» (бесцветные зеленые идеи), «sleep furiously» (спать яростно), которые составляют фразу «Colourless green ideas sleep furiously», воспринимаются как семантически неправильные, не соответствующие реальному положению вещей в окружающем мире, или же истолковываются в качестве явления некоего другого мира, в котором идеи обладают свойством цвета и бесцветности, а сон характеризуется активной деятельностью. В сказках и различного рода фантастических произведениях такие словосочетания, демонстрирующие отклонения от естественной логики вещей и событий, не только допустимы, но и распространены. Звери в сказках разговаривают; люди превращаются в различные предметы, а предметы приобретают свойства, не присущие им в реальном мире [Плещенко, 2001: 42].

Стилистическая сочетаемость связана со стилистическими коннотациями языковых единиц. Стилистически маркированные слова свободно сочетаются с лексемами, обладающими идентичной окраской. Нейтральные слова, имеющие книжные и разговорные синонимы, свободно

сочетаются только с нейтральными: говорить глупости, плохая привычка, напрасно упрячиться, высказать правду; книжные - с книжными: «изречь истину», «тщетно упорствовать», «подвергать гонениям»; разговорные – с разговорными: «болтать вздор», «скверные повадки». Сочетания же слов, обладающих разной стилистической окраской, ограничены в употреблении. Так, словосочетания «изречь глупость», «плохие повадки», «тщетно упрячиться» допустимы только с определенной стилистической целью [Плещенко, 2001: 44].

Стилистическими правилами контролируется сочетаемость стилистических синонимов, круг словесных связей у которых с другими словами, как правило, не совпадает. К примеру, сочетаемость нейтрального слова «будущий» и его книжного синонима «грядущий». Первое сочетается с гораздо большим числом существительных (год, месяц, неделя, день, понедельник и т.п.). Сочетания с «грядущий» с этими же существительными вне особых стилистических условий не применимо в речи, хотя с точки зрения лексической и грамматической сочетаемости их можно было бы признать правильными.

Немотивированное нарушение границ стилистической сочетаемости приводит к стилистическим ошибкам. Является ли ошибкой или стилистическим приемом соединение стилистически неоднородных слов, можно определить лишь на основании анализа конкретного текста [Плещенко, 2001: 45].

Грамматическая (или синтаксическая) сочетаемость слова определяется грамматическим значением, а также принадлежностью к тому или иному классу либо разряду.

Правила грамматической сочетаемости формируются как общие, например, правила сочетания членов простого предложения и т.п., или как схемы сочетаемости отдельного слова, например, схемы управления конкретного глагола [Плещенко, 2001: 42]. Законы грамматической сочетаемости проявляются, например, в том, что имена прилагательные

сочетаются с существительными и не сочетаются с количественными числительными и глаголами.

Всякая лексическая единица обладает довольно строгим комплектом синтаксических связей с другими лексическими единицами. Тип данных связей, их синтаксическую сочетаемость устанавливает принадлежность лексической единицы к определенной грамматической категории, части речи, грамматическому классу или разряду [Апресян, 1995: 245].

В зависимости от позиции сочетающихся единиц по отношению друг к другу сочетаемость бывает контактная (при соположении единиц) и дистантная (то есть на расстоянии). Учитывая определяющие факторы, сочетаемость делится на обусловленную, то есть определяемую присутствием у языковых элементов каких-либо специфических черт, и произвольную, то есть определяемую только принятой нормой. Различаются формальная и семантическая сочетаемости [Гак, 1998: 500].

Законы и тенденции сочетаемости могут быть как универсальными, так и конкретно-языковыми. Нарушение законов второго типа ведет к нарушению языковой нормы или изменению свойств сочетающихся единиц (в том числе и в качестве средства художественной выразительности) [Гак, 1990: 496].

В зависимости от необходимости применения распространителя к слову можно также говорить об облигаторной, то есть обязательной, и факультативной, необязательной сочетаемостях. При облигаторной сочетаемости необходим зависимый компонент, при факультативной распространители являются необязательными. Однако при этом сочетаемостные характеристики главного слова именуются активной сочетаемостью, а пассивной – способность зависимого слова связываться с главным.

Т. М. Дорофеева описывает концепцию моделей синтаксической сочетаемости. Модель сочетаемости должна состоять из двух компонентов, в которые входит главный, независимый компонент и подчиненный, зависимый

компонент (распространитель). Данные компоненты имеют определенный набор характеристик, различительных признаков.

Важнейший различительный признак – семантическая структура. Он важен, так как сочетаемость многозначных слов может изменяться в связи со значением, в котором употребляется то или иное слово [Дорофеева, 1984: 110].

Для описания модели сочетаемости Т. М. Дорофеева выделяет различительные признаки, которые раскрывают механизм взаимосвязей главного и зависимого слов:

1. строение модели (избирательное, линейное, комбинированное);
2. соотношение распространителей в данной модели (равнозначные или неравнозначные, соподчинимые или несоподчинимые).

Признаки строения моделей указывают на одновременность или неодновременность подчинения распространителей. В линейной (синтагматической) модели распространители применяются одновременно, они объединены друг с другом равносильно (и, и). В избирательной (парадигматической модели) элементы употребляются неодновременно, и соединяются друг с другом по принципу взаимоисключения (или, или). Бывает и комбинированная модель, объединяющая оба данных принципа [Дорофеева, 1984: 112].

Обучению синтаксической сочетаемости в качестве методики обучения иностранному языку уделяется огромное внимание. Главный акцент делается на исследование коллигации, синтаксических связей слов.

По определению М. Льюиса коллокация – способ, благодаря которому слова соединяются друг с другом. Коллигация же – это способ, благодаря которому то или иное слово постоянно объединяется со специфической грамматической моделью. По мнению М. Льюиса, чем наиболее обобщены модели, тем наиболее они употребительны и распространены в речи [Lewis, 2000: 137].

Также от своей частотности зависит сочетаемость той или иной лексической единицы. Чем меньше частотность какого-либо слова, тем меньше зона его сочетаемости, меньше число моделей, элементом которых это слово является. Редкие и многозначные слова располагают меньшей зоной сочетаемости, чем наиболее частотные, но с меньшим числом значений [Lewis, 2000: 143].

По мнению М. Льюиса, язык состоит из фраз и словосочетаний, а не из отдельных слов и грамматических структур. В случае, когда человек создает высказывание, он оперирует не отдельными взятыми словами, размышляя лишь о том, в какую грамматическую форму их поставить. При построении высказываний мы пользуемся большими лексическими группами и не задумываемся о правильности грамматических структур, являющихся частью этих блоков [Lewis, 2000: 135].

Сочетаемость является реализованной потенцией, которая выражается в определенных словосочетаниях. Анализ данных словосочетаний направлен на описание вероятных и реализованных связей их составляющих. Он дает возможность обнаружить контекст единицы, которая избрала в качестве точки отсчета, то есть минимальное количество предшествующих и/или последующих единиц, которые нужны для понимания ее смысла.

По З. А. Харитончик, словосочетания в качестве единиц, возникающие способом соединения слов, исполняют роль единства. Они состоят из как минимум двух полнозначных слов, связанных между собой по языковым правилам. Благодаря их работе в качестве номинативного средства (средства обозначения предметов), происходит сближение словосочетания и слова. Как и слово, словосочетание выполняет коммуникативную функцию только в предложении и создает самостоятельное предложение при условии обретения предикативности. В отличие от слова, словосочетание (кроме фразеологических словосочетаний), не является воспроизводимой, готовой единицей, но строится по языковым правилам, и это сближает его с предложением. Но отсутствие у словосочетания предикативности,

синтаксических категорий модальности, времени и лица, которые обязательны для предложения, дает возможность провести четкую грань между словосочетанием и предложением [Харитончик, 1992: 173-174].

Сочетаемость слов стала одной из центральных проблем изучения в семантических исследованиях, потому что значение и употребление слова раскрывается в его сочетаемости с другими словами. Внимание к теории сочетаемости связано с поисками общелингвистических правил, которые организуют элементы в речевые высказывания. В исследовании и описании языка очень важен аспект сочетаемости слов во всевозможных целях. Об этих целях говорит Н. З. Котелова. Они состоят в установлении зависимостей в высказывании, уточнении лингвистических понятий таких, как подчинение, управление, словосочетание и другое, в разработке автоматического анализа текста и много другого [Котелова, 1975: 47]. Изучение сочетаемости языковых элементов позволяет идентифицировать и классифицировать их, выявлять их варианты, полифункциональность, обнаруживать скрытые категории, определять условия образования переносных значений [Гак, 1990: 123].

По В. С. Дмитриевой, изучение в современном языкознании сочетаемости слов идет согласно трем основным направлениям. Первым являются теоретические аспекты сочетаемости, вторым – сочетаемость слов как объект лексикографии, третьим – сочетаемость слов в аспекте преподавания языка как иностранного [Дмитриева, 2001: 12].

Умение правильно сочетать слова называется коллокационной компетенцией. Она является одной из важных задач обучения иностранному языку.

1.3. Использование системных взаимосвязей слов в практике преподавания иностранного языка

Когда человек изучает иностранный язык, чему необходимо овладеть не только новой для него лексической системой, но и новой системой понятий.

Человек, изучающий иностранный язык вырабатывает новое для него лексическое понятие и связывает его с новой запоминаемой лексемой.

Мнение, что знание большого количества слов означает большие речемыслительные возможности, неверно. При обучении следует фокусироваться на формировании умения употребления изученной лексики, а не на увеличение ее количества.

Одной из важных задач обучения иностранному языку является овладение лексическим навыком, который подразумевает способность использовать слова в речи. Для использования лексической единицы необходимо не только вызвать ее в памяти, но и сознательно сочетать с другими единицами [Пассов, 2002: 23].

В. Кук указывает, что при изучении иностранных языков надо учитывать два важнейших фактора: близость основных значений родного и изучаемого языков и их постоянное окружение [Cook, 1996: 57].

Т. М. Дорофеева утверждает, что при изучении иностранного языка важно осознать системный характер сочетаемости слов в языке. Необходимо использовать в обучении понятие модели сочетаемости, которое дает возможность распределять огромное многообразие определенных словосочетаний по определенным структурным типам [Дорофеева, 1984: 110].

В лингвистике общепринято подвергать рассмотрению лексико-семантическую систему языка в качестве иерархии функционально-семантических полей, которые объединяются, с одной стороны, в более крупные сферы лексики, а с другой объединяют в себя менее многочисленные по количеству единиц микрополя или подполя.

Объединения слов в поля и подполя для изучения их сочетаемости обеспечивает не только способствует анализу и выделению характерных признаков тех или иных групп, но и более продуктивному изучению особенностей иностранного языка и функционирования его единиц в самых разных языковых ситуациях.

По мнению М. Н. Лебедевой, тематически родственные слова необходимо объединяться в группы при изучении иностранного языка [Лебедева, 1983: 74].

Объединяя слова в группы, важно установить тот самый элемент значения, определяющий необходимость или возможность конкретного распространителя. Важно выделять общие для данной группы слов сочетаемостные свойства и признаки. Например, говоря о глаголах, нужно обратить внимание на то, в каком значении может употребляться глагольный распространитель (объекта, места, времени, цели, причины и т.д.) [Лебедева, 1983: 75].

Е. И. Пассов подчеркивает, что при изучении иноязычной лексики важно учитывать функциональность слов. Изучение должно быть организовано таким образом, чтобы с самого начала все тематически связанные лексические единицы закладывались и усваивались в единстве, чтобы учитывалась лично-смысловая связь [Пассов, 2002: 28]. Также подчеркивается, что необходимо изучать «ситуативность» употребления слова, то есть отражение ситуации и комплексное восприятие при изучении лексики; принятие во внимание связей слов, формирование условий функционирования. Важной стадией обучению лексике считается восприятие слова в контексте [Пассов, 2002: 30].

В методической литературе указывается на наличие двух способов, с помощью которых можно обучить правилам сочетаемости слов:

1. предоставить учащемуся достаточное количество конкретных сочетаний данного слова с другими словами для анализа, чтобы учащийся сам пронаблюдал закономерности и особенности, после чего пришел к выводам;

2. сформулировать общее правило и особенности сочетания, проиллюстрировав примерами [Денисов, 1974: 73].

П. Н. Денисов обращает внимание, что на практике преподавания данные способы, как правило, приходится комбинировать, но первый способ очевидно предпочтительнее. Он обеспечивает принципы сознательности,

активности и самостоятельности; означает осознанное усвоение знаний в процессе активной познавательной и практической деятельности.

Т. М. Дорофеева указывает на необходимость обучению сочетаемости именно с помощью моделей сочетаемости. При построении модели сочетаемости должны обязательно соблюдаться два условия [Дорофеева, 1984: 110]:

1. модель должна адекватно отражать реальную языковую действительность;
2. правила сочетаемости слов, представленные в модели необходимо формулировать так, чтобы они обеспечивали учащимся осуществление всех видов речевой деятельности (что, как отмечает автор, важно при коммуникативном подходе к обучению неродному языку).

Важно отметить, что анализ моделей сочетаемости функционально-синтаксических полей наиболее эффективно применять на основе аутентичного материала.

Актуальность использования аутентичных видеоматериалов в обучении иностранному языку заключается в их функциональности. Под функциональностью мы понимаем их ориентацию на реальное использование, так как они создают иллюзию приобщения к естественной языковой среде, что, согласно мнению многих ведущих специалистов в области методики, является главным фактором в успешном овладении языком [Иванова, 2009: 25].

Одним из главных достоинств аутентичного видеоматериала является обилие в нем лингвострановедческого материала. Его основной задачей использования аутентичного материала является изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих особенности культуры англоязычного населения и среды его существования. Использование аутентичного материала позволяет решать задачи по усилению социокультурной ориентации иноязычного образования в целом, расширению фоновых знаний, повышению мотивации в обучении.

Выводы

Функционально-семантический подход к анализу дает возможность критически подойти к традиционному распределению сведений о значениях, которые имеют в основе общую понятийную категорию. Функционально-семантический подход к исследованию явлений языка предполагает комплексное рассмотрение разноуровневых языковых средств, объединённых семантически. Он позволяет увидеть полевую структуру языка, осознать строгость языковой системы, осмыслить причины оперирования средствами разных уровней при передаче смысла.

Поле обладает определенной структурой. Внутри поля имеется микросистемы (подполя), у которых наблюдается относительная самостоятельность в наличии связей между микросистемами внутри и снаружи поля, среди микросистем разных полей.

Тем не менее необходимо привлекать и данные, полученные о той или иной категории языка с помощью других подходов.

Сочетаемость слова – это способность слова вступать в сочетания с целыми классами слов, в процессе взаимоотношений которых между словами, которые образуют определенную синтагматическую последовательность, устанавливаются логико-семантические и синтаксические взаимосвязи. Исследование сочетаемости языковых элементов дает возможность идентифицировать и систематизировать эти элементы, раскрывать их варианты и функциональность, находить скрытые категории, определять условия образования переносных значений и многое другое.

Вопрос сочетаемости слов остается весьма актуальным в плане прикладного аспекта языка, то есть обучения иностранному языку, лексикографии, переводу и так далее. Исследование сочетаемости слов носит ключевой характер для решения методических задач.

Глава 2. Описание основных моделей сочетаемости для функционально-семантического поля

В данной главе будут рассмотрены основные модели сочетаемости для функционально-семантического поля и высчитана частотность употребления.

2.1. Основные модели сочетаемости функционально-семантического поля «волшебные существа»

Практическая часть основывается на выделении семи подполей функционально-семантического поля волшебных существ на основе романов-фэнтези Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня» и «Гарри Поттер и Орден Феникса». Всего мы рассмотрели 137 примеров употребления и выделили следующие подполя: «птицы», «млекопитающие», «пресмыкающиеся», «паукообразные», «водные существа», «демоноиды», «духи». Каждый пример рассмотрен через синтаксическую модель.

Для анализа мы выделили подполе «птицы». Основываясь на материале исследования, мы включили в данную тематическую группу такие лексические единицы, как сова (*owl*) и феникс (*phoenix*). На их основе можно выделить следующие модели сочетаемости:

1. [...], *so he could pay the owl that delivered the Daily Prophet.*

Adv + pronoun + could + V + N [owl] + that (Subordinate Clause; Attributive Clause) + V + N

В данной модели представлено сложноподчиненное предложение, в котором придаточное является определительным и выражено через союз «*that*». Лексическая единица, обозначающая волшебное существо, находится в главной части. Предложение является примером совершения птицей действия, то есть ее способность выступать субъектом отношений. По отношению к сове употреблен глагол «*pay*» (заплатить), а сама сова «*deliver*» (доставляет) газеты. Данные глаголы не характерны, как правило, для сочетания с полем «птицы», потому что подразумевают, что субъект/объект

действий способен выполнять сложные мыслительные махинации. В данном случае, сова должна доставить газету именно тому человеку, который подписан на ее получение, а также подсчитать, достаточно ли ей заплатили за эту газету. Таким образом, использование глаголов «*pay*» и «*deliver*» указывает на высокий интеллект птицы.

2. *“I’ve got an owl, you can borrow her”.*

[1] pronoun + have got + N [owl] + [2] pronoun + can + V + pronoun [the phoenix]

Данная модель представляет собой бессоюзное предложение. Лексема, обозначающая волшебное существо, выступает в качестве объекта действия: с оборотом «*have got*» и модальным глаголом «*can*».оборот «*have got*» (иметь) и глагол «*borrow*» (одолжить) указывают на то, что, несмотря на высокий интеллект, совы являются собственностью своих хозяев, их питомцами, которыми те могут распоряжаться по своему усмотрению.

3. *A screech owl swooped in through the kitchen window.*

N_{atr} [owl] + V_{ph} + prp + N_{atr}

Модель представляет собой простое предложение, содержит пример совершения птицей динамического действия, выраженного с помощью фразового глагола. Глагол «*swoop*» (броситься, влететь) указывает на животную природу совы, на то, что при всем своем интеллекте, сова обладает привычным читателю из реальности образом даже в романе-фэнтези.

4. *Ron’s tiny owl, Pigwidgeon, zoomed excitedly.*

N’s + adj + N [owl] + V + Adv

В данной модели представлено простое предложение, в составе которого используется лексема, входящее в подполе «птицы» и демонстрирующая совершение действия с помощью глагола с семантикой динамики.

Использование наречия «*excitedly*» (взволнованно) указывает на наличие у птиц из романа способности испытывать чувства и эмоции. Глагол «*zoom*» (лететь, двигаться с гудением, шумом) усиливает степень испытываемых совой эмоций.

5. *Harry stroked Hedwig [the owl] automatically.*

N + V + N [owl] + Adv

Данный пример является простым предложением, в котором лексическая единица выступает объектом действия. Глагол «*stroke*» (гладить) по отношению к сове указывает на ее положение в качестве питомца, хотя сова является дикой птицей, которую сложно приручить.

6. *He said the owls might be intercepted.*

Main clause + (that) (Subordinate Clause; Object Clause) + N [owls] + might + V

Модель сочетаемости представлена в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнения. Лексическая единица употреблена в сочетании с модальным глаголом и пассивным залогом. Глагол «*intercept*» (перехватить) указывает на то, что персонажи данного романа доверяют совам в передаче важной информации в письмах и посылках, и поэтому злоумышленники могут перехватывать птиц, чтобы узнать что-либо.

7. *It's my owl, she's injured.*

[1] pronoun + V + pronoun + N [owl] + [2] pronoun [the owl] + V

Данный пример является бессоюзным предложением. Первая часть представляет собой элементарную конструкцию с использованием лексической единицы. Во второй части предложения она употреблена в контексте пассивным непродолженным неперфектным инфинитивом. Притяжательное местоимение «*my*» указывает на принадлежность совы своему хозяину.

8. *Fawkes the phoenix soared in wide circles above them, singing softly.*

N + N [phoenix] + V + prp + Adj + N + prp + pronoun + V_{ing} + Adv

В модели изображена структура простого предложения, в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное непассивное причастие. Употребление глагола «*sing*» (петь) указывает на то, что птица не просто издает типичные для птиц звук, а именно поет, как пел бы человек.

«*Softly*» (мягко, тихо) указывает на то, что песня феникса спокойная и приятная.

9. *That will be a job for Fawkes when he has finished keeping a lookout for anybody approaching.*

Pronoun + V + N + prp + N [phoenix] + when (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Time) + pronoun [phoenix] + V + N + prp + pronoun + V_{ing}

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союзное слово «*when*». Фраза «*a job for Fawkes*» (работа для Фоукса) указывает на то, что феникс, как и сова, является птицей с высоким уровнем интеллекта и может выполнить что-либо, что прикажет ему его хозяин. Придаточная часть предложения, которую можно перевести как «*когда он закончит проверять, не приближается ли кто-нибудь*» также указывает на наличие у птицы высокого уровня интеллекта.

10. *Fawkes [the phoenix] circled the office and swooped low over him.* **N [phoenix] + V + N + conj + V + Adv + prp + pronoun**

В данной модели лексическая единица входит в простое предложение с однородными членами, которые соединены союзом «*and*».

11. *The baby Fawkes [the phoenix] made soft chirruping noises in his nest of ashes.*

N + N [phoenix] + V + Adj + Adj + N + prp + pronoun + N + prp + N

Это простое предложение, в котором представлен пример совершения динамического действия волшебным существом, обозначенным лексемой, входящей в подполе «птицы».

12. *Even Fawkes [the phoenix] had fallen silent.*

Adv + N [phoenix] + V + Adj

В данном случае лексическая единица, входящая в поле, представлена в простом предложении. Общий смысл предложения («*Даже Фоукс замолчал*») указывает на способность птицы оценивать ситуацию и чувствовать

настроение людей вокруг себя, что указывает на высокий уровень эмоционального интеллекта.

13. *He swished his long tail and blinked benignly at Harry.*

Pronoun [phoenix] + V + pronoun + Adj + N + conj + V + Adv + prp + N

Простое предложение с однородными членами, которые соединены союзом «and». Наречие «benignly» (ласково) указывает на способность птицы сопереживать и чувствовать чужое настроение.

14. *Hedwig had not approved of these flashy intruders.*

N [owl] + V + prp + pronoun + Adj + N

Это простое предложение. Использование глагола «approve» (одобрять) указывает на то, что сова способна на проявление подобной «человеческой» эмоции и способа ее проявления.

15. *Hedwig looked coldly up at it, as though daring it to try and come any closer.*

N [owl] + V_{ph} + Adv + prp + pronoun + as though (Subordinate Clause; The Adverbial Clause of Manner) + V_{ing} + pronoun + prp + infinitive + conj + infinitive + Adv + Adv

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа образа действия, которое вводится через союз «as though». Фраза «look coldly» (посмотреть холодно) и вся придаточная часть предложения («...как будто говоря: только попробуй подойти ближе») наделяет сову человеческими чертами, указывает на ее способность испытывать отрицательные эмоции и демонстрировать их другим.

16. *Hedwig gave him an extremely offended look and took off for the open window, cuffing him around the head [...].*

N [owl] + V + pronoun + Adv + Adj + N + conj + V_{ph} + prp + Adj + N + V_{ing} + pronoun + prp + N

Это простое предложение с однородными членами, которые соединены союзом «and». В состав предложения входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Также в состав входит определение,

выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Фраза «*an extremely offended look*» (крайне обиженный взгляд) также указывает на способность совы испытывать негативные эмоции, в данном случае обиду, и явно выражать это.

17. Fawkes blinked peacefully up at him.

N [phoenix] + V_{ph} + Adv + prp + pronoun

Это простое предложение. Наречие «*peacefully*» (мирно) указывает на способность феникса выражать свое настроение и отношение к другим.

18. It was resting its beautiful head against Harry's injured leg.

Pronoun [phoenix] + V_{ing} + pronoun + Adj + N + prp + Adj + N

Это простое предложение. В нем демонстрируется способность феникса к сопереживанию по отношению к другим.

19. Pigwidgeon was so overexcited at the idea of a delivery he was flying around [...]

N [owl] + V + Adj + prp + N + prp + N + (that) (Subordinate Clause; The Adverbial Clause of Manner) + Pronoun + V_{ing} + prp

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа образа действия, которое вводится через союз «*that*». Через прилагательное «*overexcited*» (перевозбужденный) передается отношение совы к ее работе – доставке писем и посылок.

Таким образом, проанализировав модели сочетаемости с единицами подполя «птицы», можно сделать выводы: все виды птиц (и феникс, и сова) служат питомцами для людей; они способны чувствовать настроение людей, с которыми контактируют; выражать положительные или отрицательные эмоции в отношении людей и других существ; обладают высоким уровнем интеллекта.

Следующее выделенное нами подполе – «млекопитающие». В данную тематическую группу вошли такие лексические единицы, как фестрал (*thestral*), гиппогриф (*hippogriff*), кентавр (*centaur*), нюхлер (*niffler*), сфинкс

(*sphinx*), единорог (*unicorn*). На их основе можно выделить следующие модели сочетаемости:

1. *Thestrals will sometimes go for birds, of course, but Hagrid's got the Thestrals well-trained not to touch owls.*

N [thestrals] + V_{ph} + Adv + N + Adv + conj + N + V + N [thestrals] + Adj + infinitive + N

Данный пример представляет сложносочиненное предложение. В первой части обозначение совершение агрессивного действия существом происходит через сочетание с фразовым глаголом. Фраза «*go for birds*» (охотиться на птиц), указывает на привычки питания волшебного существа. «*Well-trained*» (хороший обученный) говорит о возможности приручения фестрала человеком.

2. *The Ministry of Magic has classified Thestrals as 'dangerous'?*

N + V + N [thestrals] + prp + Adj

В данной модели представлено простое предложение, действие совершается по отношению к лексической единице. Прилагательное «*dangerous*» описывает фестралов как «опасных» для человека.

3. *Harry looked down to see the closest Thestral licking his sleeve, which was damp with Grawp's blood.*

N + V_{ph} + infinitive + Adj + N [thestral] + V_{ing} + pronoun + N + which (Subordinate Clause; Attributive Clause) + ...

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным определения. Лексическая единица представлена в главной части и сочетается с неопределенным герундием в действительном залоге. Употребление фразы «*licking his sleeve*» (облизывая его рукав) говорит о безобидности фестралов для человека.

4. *Harry turned: no fewer than six or seven Thestrals were picking their way through the trees.*

Adj + prp + numeral + conj + numeral + N [thestrals] + V + pronoun + N + prp + N

Данная модель сочетаемости является простым предложением, в состав которого входит лексическая единица, относящаяся к подполю млекопитающих. Пример демонстрирует совершение динамического действия лексемой, обозначающей волшебное существо.

5. *It was quite galling to be told not to be rash by a man who had [...] gone on the run with a stolen Hippogriff.*

Main clause + who (Subordinate Clause; Object Clause) + V_{ph} + N + prp + Adj + N [hippogriff]

В данном случае модель сочетаемости показана через сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения и вводится через союзное слово «*who*». Входящая в подполе лексическая единица используется в придаточной части. Придаточная часть («...который сбежал с украденным гиппогрифом») указывает на возможность приручения человеком, на его положение питомца (если бы гиппогрифу не понравился человек, тот не смог бы его «украсть»).

6. *I was slashed by a Hippogriff.*

Pronoun + V + prp + N [hippogriff]

Данное предложение является простым, лексическая единица входит в состав структуры пассивной конструкции в качестве дополнения. Этот пример демонстрирует агрессивное действие со стороны лексической единицы. Употребление глагола «*slash*» (полоснуть, хлестануть) указывает на своенравность волшебного существа, его враждебность в случае ситуации, которая ему не нравится.

7. *Kreacher injured Buckbeak the Hippogriff yesterday.*

N [house-elf] + V + N [hippogriff] + Adv

Это предложение является простым и демонстрирует пример совершения агрессивного действия одного волшебного существа (эльфа-домовика) по отношению к другому волшебному существу (к гиппогрифу).

8. *Harry remembered how the centaur Bane had shouted at Firenze [the centaur] for allowing Harry to ride on his back.*

Main clause + how (Subordinate Clause; Object Clause) + N [centaur] + N + V_{ph} + N [centaur] + prp + V_{ing} + N + infinitive + prp + pronoun + N

Эта конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, которое вводится через союзное слово «*how*». Лексические единицы подполя представлены в придаточной части. В первом случае лексема употреблена в контексте агрессивного динамичного действия с помощью глагола, который обычно употребляется в сочетании с лексемами, обозначающими людей. Во втором случае лексическая единица используется в контексте нейтрального динамичного действия. Глагол «*shout*» (накричать), не сочетающийся с единицами поля «млекопитающие», указывает на способность кентавров разговаривать, как люди, и выражать свои эмоции с помощью языка. Фраза «*ride on his back*» (ехать на его спине) говорит о схожести кентавров с лошадьми.

9. *If the centaurs don't want humans in the Forest, it doesn't really look as though.*

If (Subordinate Clause; Adverbial Clauses of Condition) + N [centaurs] + V + N + prp + N + Main Clause

В этой модели показано сложноподчиненное предложение, которое является придаточным обстоятельственного подтипа условия и которое выражено через союз «*if*». Входящая в подполе лексема фигурирует в придаточной части предложения в сочетании со статичным глаголом желания. Придаточная часть предложения говорит о враждебности кентавров по отношению к людям.

10. *It was what the centaurs had been waiting for.*

Pronoun + V + what (Subordinate Clause; Object Clause) + N [centaurs] + V_{ph}

В данном примере представлено сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, выраженным через союз «*what*». С помощью глагола «*wait*» (ждать) передается, что кентавры строят планы и обладают высоким уровнем интеллекта.

11. *Somebody managed to slip a hairy-snouted Niffler into Umbridge's office, which promptly tore the place apart, [...].*

Pronoun + V + infinitive + Adj + N [niffler] + prp + N's + N + which (Subordinate Clause; Attributive Clause) + Adv + V + N + Adv

Данная модель иллюстрирует сложноподчиненное предложение с определительным придаточным, выраженным через союз «*which*». В главной части действие совершается по отношению к млекопитающему; во второй млекопитающее является активным исполнителем агрессивного действия. Фразовый глагол «*tear apart*» (разрушить) помогает охарактеризовать волшебное существо как прозорливое, не склонное к приручению.

12. *The sphinx sat down upon her hind legs, [...], and recited.*

N [sphinx] + V_{ph} + prp + Adj + N + conj + V

Это простое предложение с однородными членами, связанными союзом «*and*». Глагол «*recite*» указывает на способность сфинкса не просто говорить, а «декламировать», «излагать по памяти», что свидетельствует о наличии высокого уровня интеллекта и образованности, умения запоминать определенный текст.

13. *She was not crouching as if to spring.*

Pronoun [sphinx] + V_{ing} + as if (Subordinate Clause; The Adverbial Clause of Manner) + infinitive

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа образа действия, которое вводится через союз «*as if*». В данном предложении демонстрируется ситуация, где персонаж, судя по внешнему виду сфинкса, ожидает от него поведения, характерного для кошки, но тот ведет себя сдержанно, подобно человеку.

14. *Then she spoke, in a deep, hoarse voice.*

Pronoun [sphinx] + V + prp + Adj + Adj + N

Это простое предложение. Глагол «*speak*» указывает на способность сфинкса вести беседу.

15. *She blinked at him, smiled, and repeated the poem.*

Pronoun [sphinx] + V + prp + pronoun + V + conj + V + N

Это простое предложение с однородными членами; в первом случае соединенными бессоюзной связью, а во втором – союзом «and». Глагол «smile» указывает на способность волшебного существа улыбаться и выражать эмоции, а фраза «repeat the poem» (повторить поэму) говорит об отличной памяти и высоком интеллекте.

16. *She gave him the last four lines.*

Pronoun [sphinx] + V + pronoun + Adj + numeral + N

Простое предложение. Пример вновь демонстрирует способность волшебного существа разговаривать, а также воспроизводить отдельную информацию по памяти.

17. *She merely smiled her mysterious smile.* **Pronoun**

[sphinx] + Adv + V + pronoun + Adj + N

Простое предложение. Вновь встречается глагол «smile». Улыбка сфинкса описывается как «mysterious» (загадочная). Данное прилагательное не характерно для сочетания с единицами поля «млекопитающие».

18. [...] *where a large and beautiful unicorn was tethered.*

Main Clause + where (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Place) + Adj + conj + Adj + N [unicorn] + V

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа места, которое вводится через союз «where». «Tethered» (привязанный) указывает на возможность контролировать волшебное существо, держать в неволе.

19. *They're supposed to be really hard to catch!*

Pronoun [unicorns] + V + infinitive + Adv + Adj + infinitive

Простое предложение. Фраза «hard to catch» характеризует единорогов, как волшебных существ, не поддающихся приручению, свободолюбивых, диких, не подходящих для роли питомцев.

20. *It was pawing the ground nervously with its golden hooves and throwing back its horned head.*

Pronoun [unicorn] + V + N + Adv + prp + Adj + N + conj + V + Adv + Adj + N

Простое предложение с однородными членами, которое соединены союзом «and». Наречие «*nervously*» характеризует настроение единорога как «нервное», «обеспокоенное» из-за присутствия рядом людей.

21. *They prefer the woman's touch.*

Pronoun [unicorn] + V + N's + N

Простое предложение. Глагол «*prefer*» указывает на способность волшебных существ отдавать предпочтение, что скорее характерно для людей.

22. *The girls were all clustered around the unicorn now, stroking it.*

N + V + Adv + prp + N [unicorn] + Adv + V_{ing} + pronoun [the unicorn]

Простое предложение, в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Благодаря фразам «*clustered around*», «*stroking it*» указывается, что единороги, несмотря на невозможность приручения, способны терпеливо относиться к некоторым людям.

Проанализировав модели сочетаемости подполя млекопитающие, мы можем сделать следующие выводы: некоторые виды млекопитающих признаны как опасные, но, тем не менее, те не оказывают враждебности без причин; млекопитающих невозможно приручить как домашних питомцев. Не все единицы подполя могут сочетаться с одними и теми же единицами; к примеру, лишь несколько видов (сфинкс, кентавр) способны общаться словесно, что говорит о их высоком уровне интеллекта.

Третье выделенное нами подполе – «пресмыкающиеся». К ним относятся дракон (*dragon*), василиск (*basilisk*), змея (*snake*).

1. *One of the dragons soared around her classroom, emitting loud bangs and exhaling flame.*

Numeral + prp + N [dragons] + V + prp + pronoun + N + V_{ing} + Adj + N + conj + V_{ing} + N

Данное предложение является простым, в его состав входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Фраза «*exhaling flame*» (выдыхая пламя) передает нехарактерное для пресмыкающихся (или вообще для какого-либо живого существа) действие.

2. *A great black dragon was rearing in front of him.*

Adj + Adj + N [dragon] + V + prp + pronoun

Модель изображена в виде простого предложения, в составе которого проиллюстрировано использование лексической единицы, входящей в подполе. В данном примере волшебное существо совершает агрессивное действие. Глагол «*rear*» (становится на дыбы) помогает указать на враждебность отношения волшебного существа к человеку.

3. *You've just beaten a Hungarian Horntail [a dragon].*

Pronoun + V + Adv + N [dragon]

Простое предложение. Глагол «*beat*» (победить) по отношению к дракону указывает на абсолютную невозможность приручить его и даже на необходимость персонажей книги сражаться с этими существами в виду их опасности и враждебности.

4. *[...], where it yawned, curled up, and closed its eyes.*

Main clause + where (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Place) + pronoun [dragon] + V + V_{ph} + conj + V + pronoun + N

Данный пример представляет сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союз «*where*». Глагол «*yawn*» (зевать), как правило, не употребляется в сочетании с единицами подполя «пресмыкающиеся».

5. *It stretched its wings as he looked down at it, and bared its minuscule fangs.*

Pronoun [dragon] + V + N + as (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Time) + pronoun + V_{ph} + prp + pronoun [dragon] + conj + V + Adj + N

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союзное слово «*when*». Фраза «*stretch its wings*» (расправить крылья) не характерна для

сочетания с полем «пресмыкающиеся»; оно применяется с единицами поля «птицы».

6. *At least thirty wizards, [...], were attempting to control them.*

Adv + numeral + N + V + infinitive + pronoun [dragons]

В данном предложении употреблена фраза «*attempting to control*», которая указывает на безрезультативность попыток персонажей романа контролировать, приручить драконов, на враждебность этих существ.

7. *It was making a horrible noise, a yowling, screeching scream.*

Pronoun [dragon] + V + Adj + N + Adj + Adj + N

Простое предложение с однородными членами. Словосочетания «*horrible noise*», «*yowling, screeching scream*» дают представление о враждебности волшебного существа.

8. *Scaly black dragon hit the ground with a thud that Harry could have sworn made the trees behind him quake.*

Adj + Adj + N [dragon] + V + N + prp + N + that (Subordinate Clause; Object Clause)

Модель сочетаемости представлена в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнения. В сочетании с единицей подполя использован глагол «*hit*», выражающий агрессивное действие, враждебность по отношению к персонажу-человеку.

9. *You need about half a dozen wizards at a time to overcome a dragon.*

Pronoun + V + Adv + N_{atr} + prp + N + infinitive + N [dragon]

Простое предложение. Глаголом «*overcome*» (одолеть) выражается агрессивное действие по отношению к дракону, которое указывает на попытки персонажей романа контролировать неприручаемое существо.

10. *Dragons are extremely difficult to slay.*

N [dragons] + V + Adv + Adj + infinitive

Простое предложение. Глаголом «*slay*» (убить) также выражается агрессивное действие по отношению к дракону. Персонажи романа, не имея

успехов в приручении и контроле, пытаются убить драконов, что указывает на крайнюю опасность этих волшебных существ.

11. *She was afraid to move too far from them [her eggs].*

Pronoun [dragon] + V + Adj + infinitive + Adv + Adj + prp + Pronoun

Простое предложение. В данном примере в сочетании с единицей подполя «пресмыкающихся» употреблено прилагательное «*afraid*», выражающее чувство испуга; она опасается за свое гнездо. Благодаря этому прилагательному можно сделать вывод о наличии у драконов-самок материнского инстинкта, присущего всем живым существам.

12. *She shot fire into the air, which he dodged.*

Pronoun [dragon] + V + N + prp + N, which (Subordinate Clause; Attributive Clause)

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным определения. Фраза «*shoot fire*» (выдохнуть пламя) в сочетании с единицей данного подполя передает нехарактерное для пресмыкающихся (или вообще для какого-либо живого существа) действие. Оно также выражает агрессию по отношению к персонажу-человеку романа.

13. *He was trying to make the dragon go for the dog instead of him.*

Pronoun + V + infinitive + N [dragon] + V_{ph} + N + Adv + pronoun

Простое предложение. Фраза «*go for the dog instead of him*» говорит о том, что у дракона имеются инстинкты хищника, заключающиеся в преследовании дичи. Сочетание «*make the dragon go*» говорит о возможности обмануть данное волшебное существо.

14. *The dragon changed its mind [...] and decided it would rather have him than the Labrador.*

Dragon + V + N + conj + V + (that) (Subordinate Clause; Object Clause) + pronoun [dragon] + V + Adv + V + pronoun + conj + N

Модель сочетаемости представлена в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнения. Придаточная часть предложения указывает на наличие инстинктов охотника у существа, а также избирательность в выборе

добычи. В данном примере еще раз подтверждается враждебность волшебного существа по отношению к человеку.

15. They didn't take on Riddle and the Basilisk.

Pronoun + V_{ph} + N + conj + N [basilisk]

Данное предложение является простым с однородными членами, в состав которых входит слово «василиск». Действие по отношению к нему совершается с помощью фразового глагола «take on» (сразиться). В сочетании с единицей подполя он указывает на враждебность и страх персонажей по отношению к волшебному существу.

16. And did you kill a Basilisk with that sword in Dumbledore's office?

Pronoun + V + N [basilisk] + prp + pronoun + N + prp + N's + N

Данное вопросительное предложение является простым и демонстрирует случай совершения агрессивного действия по отношению к василиску с помощью глагола «kill» (убить).

17. Nagini has interesting news, Wormtail.

N [snake] + V + Adj + N

Простое предложение. В сочетании с единицей подполя употреблена фраза, не характерная для пресмыкающегося в виду его неспособности говорить, но тем не менее, у змеи не просто «новости», но еще и «интересные». Это говорит о высоком интеллекте змеи.

18. This man could talk to snakes.

N + could + V + prp + N [snakes]

Простое предложение. Сочетание «talk to snakes» указывает на возможность персонажа общаться со змеей, но не способность змеи разговаривать, как люди. Тем не менее, это доказательство наличия у змеи интеллекта.

19. A little help from my dear Nagini.

Adj + N + prp + pronoun + Adj + N [the snake]

Простое предложение. Сочетание фразы «my dear» (дорогой) и единицы подполя «змея» указывает на то, что змея – питомец одного из персонажей.

«*Help from Nagini*» говорит о том, что змея добровольно подчиняется своему хозяину, а также знает, что ему необходима помощь. Это говорит о наличии интеллекта, а также, возможно, наличии положительных чувств по отношению к хозяину.

Проанализировав модели с единицами поля «пресмыкающиеся», мы можем сделать следующие выводы: все входящие в подполе существа агрессивны; наличие интеллекта возможно только у змей. Наличие эмоции замечено только у дракона-самки, обеспокоенной за свое гнездо. Также, только с драконами возможно сочетание, обозначающее выдыхание пламени.

Следующее выделенное нами подполе – «**водные существа**». В данную тематическую группу вошли такие лексические единицы, как русалки и тритоны (*merpeople*), гриндилоу (*grindylow*). На их основе можно выделить следующие модели сочетаемости:

1. *Harry [...] saw a Grindylow, [...], poking out of the weed, its long fingers clutched tightly around Harry's leg, [...].*

[1] N + V + N [**gryndylow**] + V_{ing (ph)} + **prp** + N + [2] **pronoun** + **Adj** + N + V + **Adv** + **prp** + N

Данный пример представляет бессоюзное предложение, в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Вторая часть демонстрирует враждебное отношение существа по отношению к персонажу-человеку.

2. *Grindyloes had risen out of the weed, had seized handfuls of Harry's robes, and were attempting to drag him down.*

[1] N [**gryndylow**] + V_{ph} + **prp** + N + [2] V + N + **prp** + N + **conj** + V + **infinitive (V_{ph})** + **pronoun**

Бессоюзное предложение. В данном примере через глаголы «*seize*» (схватить) и «*drag down*» (тащить вниз) вновь передается враждебное отношение волшебного существа к человеку. Причем, важно отметить, что сам персонаж-человек не оказывал враждебности по отношению к существам.

3. [...], and his wand, instead of sending sparks at the Grindyloes, pelted them [...].

N + Adv + prp + V_{ing} + N + prp + N [gryndyloes] + V + pronoun
[Gryndyloes]

В данном предложении глаголом «*pelt*» (отбросить) по отношению к существу демонстрируется агрессивное действие персонажа-человека в целях защиты.

4. Harry pulled his ankle out of the Grindyloes grip and swam.

N + V_{ph} + pronoun + N + prp + N [gryndyloes] + N + conj + V

Это простое предложение с однородными членами, связанными союзом «*and*». Персонажем-человеком через фразовый глагол «*pull out*» (вырвать) демонстрируется необходимость защищаться от волшебного существа.

5. He felt one of the Grindyloes snatch at his foot again, and he kicked out, hard.

Pronoun + V + numeral + prp + N [gryndyloes] + V + prp + pronoun + adv + conj + pronoun + V_{ph} + adv

Это сложносочиненное предложение, части которого связаны между собой с помощью союза «*and*». В первой части глаголом «*snatch*» (схватить) передается враждебность отношения к персонажу-человеку. Фразовым глаголом «*kick out*» (пнуть) также выражается агрессия персонажа-человека по отношению к существу в целях защиты.

6. He even saw a pet Grindyloes tied to a stake outside one door.

Pronoun + adv + V + N_{atr} [Gryndyloes] + adj + prp + N + adv + numeral + N

Это простое предложение. Применение сочетания «*pet Grindyloes*» указывает на то, что данное существо может быть приручено другим существом, входящим в данное поле – тритонами и русалками. Фразой «*tied to a stake*» (привязанный к столбу) вызывается ассоциация волшебного существа и сторожевой собаки. Таким образом, можно сделать вывод, что тритоны и русалки используют агрессивность гриндилоу для охраны своих жилищ.

7. *He was thinking about the merpeople's song again.*

Pronoun + V + prp + merpeople's + N + adv

Простое предложение. Сочетание «*merpeople's song*» говорит о способности тритонов и русалок к пению и, возможно, к способности говорить.

8. *Merpeople were emerging on all sides now, watching him eagerly, pointing at his webbed hands and gills, talking behind their hands to one another.*

N [merpeople] + V + prp + Adj + N + Adv + V + Pronoun + Adv + V + prp + Adj + N + V + prp + pronoun + N + prp + N

Это простое предложение с однородными членами. Фразой «*talking to one another*» указывается на способность тритонов и русалок разговаривать, что указывает на высокий уровень интеллекта. Использование слова «*hands*» в отношении водных существ необычно и придает им человеческие черты.

9. *Many of the merpeople surrounding them were carrying spears.*

N + prp + N [merpeople] + V_{ing} + pronoun + V + N

Это простое предложение в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Сочетанием «*carrying spears*» (неся копья) придает схожесть тритонов и русалок с людьми. Эта фраза говорит о том, что эти существа способны создавать орудия труда и охоты.

10. *The merman laughed and shook his head.*

N [merman] + V + conj + V + pronoun + N

Простое предложение с однородными членами, связанными союзом «*and*». Глаголом «*laugh*» (смеяться) указывается на способность существ испытывать эмоции и выражать их подобно людям.

11. *Then the merpeople around him pointed excitedly over his head.*

Prp + N [merpeople] + Adv + pronoun + V + Adv + prp + pronoun + N

Простое предложение. Наречие «*excitedly*» (взволнованно) вновь указывает на способность существ испытывать и демонстрировать эмоции.

12. *The merpeople started screeching animatedly. [...] The shark man swam...*

N [merpeople] + V + V_{ing} + Adv

Это простое предложение. Сочетание «*screeching animatedly*» говорит о страхе тритонов и русалок перед другим существом, представляющим опасность.

13. *The mermen now closed in around Ron and the little girl, shaking their heads at him.*

N [mermen] + Adv + V_{ph} + Adv + pronoun + conj + Adj + N + V_{ing} + pronoun + N + prp + pronoun

Простое предложение в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Фразой «*shaking their heads at him*» говорится, что тритоны и русалки не могут словесно общаться с людьми; только жестами. Они понимают намерения персонажа-человека и не позволяют ему делать то, что он хочет, но не ведут себя агрессивно.

14. *[...] but he had the distinct impression that the mermen had understood him, because they suddenly stopped laughing.*

Main Clause + that (Subordinate Clause; Object Clause) + N [mermen] + V + Pronoun + conj + pronoun + Adv + V + V_{ing}

Модель сочетаемости представлена в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнения. Сочетание с глаголами «*understand*» (понимать) и «*laugh*» (смеяться) необычно для «водных существ»; указывает на высокий интеллект существ, на их способность понимать людей и их схожесть с людьми в плане проявления эмоций и способности общаться.

15. *Their yellowish eyes were fixed upon Harry's wand, and they looked scared.*

Pronoun + Adj + N + V_{ph} + N + conj + Pronoun [merpeople] + V + Adj

Данный пример представляет сложносочиненное предложение. Сочетанием «*they looked scared*» указывается на возможность читать эмоции тритонов и русалок через выражение их лиц, что свидетельствует об их

схожести с людьми. Существа пугаются волшебной палочки персонажа-человека.

16. *Merpeople were rising with him.*

N [merpeople] + V + prp + pronoun

Это простое предложение. Глагол «*rise*» (подниматься) указывает на способность русалок и тритонов плавать, как полагается рыбам, и их схожести с ними.

17. *Would they pull him back down to the depths when the time was up?*

Pronoun [merpeople] + V_{ph} + pronoun + Adv + prp + N + when (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Time) N + V_{ph}

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союзное слово «*when*». В данном примере демонстрируется страх персонажа-человека к существам; его неуверенность в том, враждебны они или нет.

18. *Did they perhaps eat humans?*

Pronoun [merpeople] + Adv + V + N

Это простое предложение. В примере представлено размышление персонажа-человека о тритонах и русалках; он не уверен, что те не опасны для людей, несмотря на схожесть с ними.

19. *[...], surrounded by spear carrying merpeople who'd looked more than capable of murder.*

[...] + V_{ed} + prp + N_{atr} [merpeople] + who (Subordinate Clause; Object Clause) + V + Adv + conj + Adj + prp + N

Модель сочетаемости представлена в сложноподчиненном предложении с придаточным дополнения. Сочетание «*capable of murder*» (способный убить) свидетельствует о враждебности существ, о проявлении крайней степени агрессивности, если того требует ситуация.

20. *[...] twenty merpeople accompanying them like a guard of honor, singing their horrible screechy songs.*

Numeral + N [merpeople] + V_{ing} + pronoun + prp + N + prp + N + V_{ing} + pronoun + Adj + N

Предложение с однородным членами, объединенными бессоюзной связью. Прилагательным «*horrible*» (ужасный) говорится о страхе персонажа-человека перед существами.

Проанализировав модели подполя «водные существа», можно сделать вывод: внутри подполя большие различия в возможности сочетаний. О наличии высокого интеллекта можно заключить лишь у тритонов и русалок; у них огромное количество человеческих черт, таких как смех, способность изготавливать орудия труда, построение домов, заведение питомцев. Тритоны и русалки выражают эмоции; к примеру, они боятся потенциально опасных существ. В качестве питомцев они используют другое существо из этого же поля – гриндилоу. Гриндилоу крайне агрессивны, в отличие от тритонов и русалок.

Для анализа мы также выделили подполе «паукообразные». Основываясь на материале исследования, мы выделили в данную тематическую группу такие лексические единицы, как соплохвост (*Blast-Ended Skrewt*) и паук-акромантул (*acromantula/spider*). На их основе можно выделить следующие модели сочетаемости:

1. *A gigantic spider stepped into the path and began to bear down upon Cedric.*

Adj + N [spider] + V_{ph} + N + conj + V + infinitive (V_{ph}) + prp + N

Сложносочиненное предложение, части которого соединены союзом «*and*». Фразовый глагол «*bear down*» (напасть) по отношению к персонажу-человеку указывает на враждебность существа.

2. *The spell hit the spider's gigantic, hairy black body, but [...], he might as well have thrown a stone at it.*

N + V + the spider's + adj + N + conj [...], pronoun + might + as (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Degree and Comparison) + adj + V + N + prp + pronoun [the spider]

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа степени сравнения, которое вводится через союзное слово «*as*». В данном примере через глагол «*hit*» (ударить) в отношении существа является примером агрессивного действия персонажа-человека с целью самозащиты.

3. *The spider jerked, scuttled around, and ran at Harry instead.*

N [spider] + V, V_{ph} + prp + V_{ph} + N + adv

Простое предложение с однородными членами, которые связаны бессоюзной связью в первом случае и союзом «*and*» во втором. Сочетание единицы подполя и фразового глагола «*run at*» (наброситься на) вновь указывает на враждебность паука по отношению к человеку.

4. *The Disarming Spell made the spider drop him.*

Adj + N + V + N [spider] + V + pronoun

Простое предложение. В данном примере персонаж-человек прибегнул к магии в целях защиты от существа.

5. *The spider was either so large, or so magical, that the spells were doing no more than aggravating it.*

N [spider] + V + pronoun + adj + that (Subordinate Clause; The Adverbial Clause of Manner) + N + V + adj + conj + V + pronoun [the spider]

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа образа действия, которое вводится через союз «*that*». Прилагательное «*magical*» не характерно для сочетания с пауками; оно указывает на то, что, по наблюдениям персонажа, даже это существо, вероятно, обладает собственной магией.

6. *He felt angry; his leg was very painful, he was aching all over from trying to throw off the spider, [...].*

Pronoun + V + adv + prp + V_{ing} + infinitive (V_{ph}) + N [spider]

Простое предложение с однородными членами, связанными бессоюзной связью. Фразовый глагол «*throw off*» в сочетании с единицей подполя представляет враждебное действие по отношению к существу с целью защиты.

7. *That's if he hasn't been attacked by his skrewts.*

Main Clause + if (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Condition) + V + prp + N [skrewts]

В этой модели показано сложноподчиненное предложение, которое является придаточным обстоятельственного подтипа условия и которое выражено через союз «*if*». Притяжательное местоимение «*his*» указывает на то, что существа содержат в качестве питомцев. Сочетание с глаголом «*attack*» (напасть) указывает на враждебность существ по отношению к человеку, что также говорит о невозможности их приручения.

8. *He waited until everyone else had set off with their skrewts.*

Pronoun + V + until (Subordinate Clause; Adverbial Clause of Time) + pronoun + V_{ph} + conj + N [skrewts]

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союзное слово «*until*». В данном примере демонстрируется возможность контроля существа; отсутствие враждебности по отношению к людям.

9. *They had become immensely strong and very hard to control.*

Pronoun [the skrewts] + V + adv + adj + prp + adj + infinitive

Простое предложение с однородными членами, связанными союзом «*and*». Фраза «*hard to control*» (сложно контролировать) указывает на невозможность приручения существа.

10. *There were now only ten skrewts left; apparently their desire to kill one another had not been exercised out of them.*

Pronoun + V + adv + numeral + N [skrewts]; adv + pronoun [skrewt's] + infinitive + pronoun + V_{ph} + prp + pronoun [skrewt]

В данном примере используется сочетание «*desire to kill*» (желание убить), описывая крайнюю враждебность существ по отношению к друг другу.

11. *But the skrewts, [...], did not hibernate, and did not appreciate being forced into pillow lined boxes and nailed in.*

Conj + N [skrewts], [...], V + prp + V + V_{ing (ph)} + N + prp + V

Простое предложение с однородными членами, связанными союзом «and». В данном примере говорится о нежелании существ подчиняться воле людей, о сопротивлении контролю и приручению.

12. *Together they managed to restrain and tie up nine of the skrewts.*

Adv + pronoun + V + infinitive + prp + uninfinitive (V_{ph}) + numeral + prp + N [skrewts]

Простое предложение с однородными членами, связанными союзом «and». Сочетание с глаголами «restrain» (удержать) и «tie up» (связать) говорит о том, как сложно персонажам контролировать этих существ, о нежелании этих существ быть в неволе.

13. *Hagrid launched himself forward on top of the skrewt that was cornering Harry and Ron and flattened it.*

N + V_{ph} + pronoun + prp + N + prp + N [skrewts] + that (Subordinate Clause; Attributive Clause) + V + N + prp + V + pronoun [the skrewt]

Данная модель иллюстрирует сложноподчиненное предложение с определительным придаточным, выраженным через союз «that». Сочетание с глаголом «corner» (загнать в угол) говорит о враждебности существа по отношению к персонажам-людям.

14. *«Worst that can happen is Hagrid'll have to get rid of the skrewts. Sorry... did I say worst? I meant best».*

N + [that (Subordinate Clause; Attributive Clause) + can + V] + V + pronoun + V + infinitive (V_{ph}) + N [skrewts]

Данная модель иллюстрирует сложноподчиненное предложение с определительным придаточным, выраженным через союз «that». Фразовый глагол «get rid of» (избавиться от) в сочетании с единицей поля выражает отрицательное отношение персонажа к существам.

15. *The skrewt issued a blast of fire from its end and flew forward toward him.*

N [skrewt] + V + N + prp + N + prp + pronoun + N + conj + V_{ph} + prp + pronoun

Простое предложение с однородными членами, связанными союзом «and». Фраза «*issue a blast of fire*» (произвести взрыв огня) не характерна для сочетания с единицей поля; вообще не характерна для сочетания с живыми существами. Данная фраза помогает охарактеризовать существ как потенциально опасных.

16. *The spell hit the skrewt's armor and rebounded.*

N + V + the skrewt's + N

Простое предложение с однородными членами, связанными союзом «and». Глаголом «*hit*» (ударить) указывается враждебное действие по отношению к существу; глагол «*rebound*» (отскочить) указывает на невосприимчивость существа к магии.

17. «*Someone'll come and collect him... otherwise he'll probably be eaten by a skrewt*».

Adv + N + adv + V + prp + N [skrewt]

Простое предложение. Сочетание единицы подполя с «*eat*» (съесть) по отношению к человеку указывает на предположение одного из персонажей о крайней враждебности существ.

Проанализировав модели подполя «паукообразных», можно сделать вывод о крайней агрессивности представителей этого подполя; о постоянной необходимости защищаться от них.

Шестое подполе волшебных существ – «демоноиды». В данную тематическую группу вошли такие лексические единицы, как эльф-домовик (*house-elf*), гоблин (*goblin*), докси (*doxy*), гном (*gnome*). На их основе можно выделить следующие модели сочетаемости:

1. *Dobby the house-elf was standing beside the table on which Hermione had left half a dozen of her knitted hats.*

N + N [house-elf] + V + prp + N + prp + which (Subordinate Clause; Attributive Clause) + ...

Это предложение является сложноподчиненным с определительным придаточным, выраженным через союз «*which*». Лексическая единица,

входящее в выделенное нами подполе, стоит в главной части и является исполнителем динамического действия. У эльфа-домовика имеется имя.

2. *The elf straightened up, eyeing them all malevolently, and apparently convinced that they could not hear him.*

The elf + V_{ph} + V_{ing} + pronoun + Adv + conj + Adv + V + that (Subordinate Clause; Object Clause) + pronoun + could + V + pronoun [the house-elf]

Данная модель иллюстрирует сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, выраженным с помощью союза «*that*». В составе главной части определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. В главной части предложения с помощью фразового глагола демонстрируется совершение действия лексической единицей с помощью статичного глагола умственной деятельности. Наречие «*malevolently*» (злобно) указывает на враждебное отношение эльфа-домовика по отношению к персонажам-людям.

3. *The elf surveyed Harry out of his vast, orb-like eyes.*

N [house-elf] + V_{ph} + N + prp + pronoun + Adj + Adj + N

Данная модель является простым предложением. Лексема, обозначающая волшебное существо, номинирует исполнителя динамического действия.

4. *Kreacher the house-elf crept into view.*

N + N [house-elf] + V + prp + N

Данная модель является простым предложением и иллюстрирует пример совершения действия лексемой, обозначающей волшебное существо, с помощью сочетания глагола и предлога. Указано имя эльфа-домовика.

5. *The house-elf gave a wheezy chuckle.*

N [house-elf] + V + Adj + N

Это предложение является простым и содержит пример совершения волшебным существом динамического действия. Сочетание «*wheezy chuckle*» (хриплый смешок) наделяет эльфа-домовика человеческими чертами.

6. *On real Galleons that's just a serial number referring to the goblin who cast the coin.*

... + **pronoun** + **V** + **Adv** + **Adj** + **N** + **V_{ing}** + **prp** + **N [goblin]** + **who**
(**Subordinate Clause; Attributive Clause**) + **V** + **N**

Это предложение является сложноподчиненным с придаточным определительным, выраженным с помощью союза «*who*». Лексема, относящаяся к подполю «демоноиды», стоит в главной части предложения и в придаточной выполняет присущее только человеку действие с помощью глагола с семантикой динамики. «*Cast the coin*» означает «отливать монету» и указывает на то, что гоблины обладают высоким уровнем интеллекта и образованности.

7. *Bagman was talking [...] to the goblins, who had their arms crossed and were looking rather menacing.*

Pronoun + **V_{ph}** + **N [goblins]** + + **who** (**Subordinate Clause; Object Clause**) + **V** + **N** + **V_{ed}** + **conj** + **V** + **Adv** + **Adj**

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, выраженным с помощью союза «*who*». По отношению к гоблинам используется глагол «*talk*» (говорить), что указывает на их способность понимать речь людей и общаться с ними. Фраза «*arms crossed*» (скрещенные руки) указывает на неприязнь гоблинов по отношению к персонажу-человеку, который с ними общается; прилагательное «*menacing*» (угрожающий) подтверждает это.

8. *Fred was holding a struggling Doxy between his forefinger and thumb.* **N** + **V** + **Adj** + **N [doxy]** + **prp** + **pronoun** + **N** + **conj** + **N**

Это предложение простое. В нем представлен случай совершения действия с помощью использования статичного глагола обладания по отношению к существу, обозначенному лексической единицей. Использование фразы «*hold between his forefinger and thumb*» дает возможность охарактеризовать данное существо как очень маленькое. «*Struggling*» (борющийся) указывает на неприязненное отношение существа к людям.

9. Unconscious Doxys lay crammed in the bucket beside a bowl of their black eggs, at which Crookshanks was now sniffing.

Adj + N [doxys] + V + Adj + prp + N + prp + N + prp + pronoun [doxys] + Adj + N + which (Subordinate Clause; Attributive Clause) + ...

Данная модель является сложноподчиненным предложением с придаточным определительным, введенным с помощью союзного слова «*which*». По сюжету романа персонажи избавляются от этих существ и отложенных ими яиц, как от вредителей.

10. *Doxys bite and their teeth are poisonous.*

N [doxys] + V + conj + pronoun + N + V + Adj

Данное предложение сложносочиненное; части предложения соединяются с помощью союза «*and*». В данной модели лексема, обозначающая волшебное существо, является исполнителем агрессивного действия по отношению к людям, что характеризует этих существ как потенциально опасных.

11. *Goblins don't need protection.*

N [goblins] + V + N

Простое предложение. Благодаря этому примеру мы узнаем, что гоблины – самодостаточный вид существ, не нуждающийся в помощи людей.

12. *Those goblins didn't look very friendly.*

Pronoun + N [goblins] + V + Adj + Adv

Простое предложение. Из примера мы делаем вывод о том, что гоблины испытывают чувства и эмоции, а также могут выражать это внешним видом. В данном примере их неприязнь вновь оказывается персонажу-человеку.

13. *The goblins play as dirty as him.*

N [goblins] + V + Adv + Adj + Adv + pronoun

Простое предложение. Сочетание «*play dirty*» (играть грязно) указывает на способность гоблинов обманывать и совершать продуманные действия для достижения собственной цели. Это свидетельствует о высоком уровне интеллекта.

14. *But Dobby talks of you all the time, sir!*

Conj + N [house-elf] + V + prp + pronoun + Adj + N

Простое предложение. Глагол «*talk*» указывает на способность эльфа-домовика разговаривать, как человек. «*Говорит о вас все время*» указывает на симпатию существа по отношению к персонажу-человеку. Указано имя эльфа-домовика.

15. *But Winky cried harder than ever.*

Conj + N [the house-elf] + V + Adj + conj + Adv

Простое предложение. Сочетание с глаголом «*cry*» говорит о способности существа проявлять негативные эмоции таким же способом, как это делает человек; проявлять огорчение через плач. Также указано имя эльфа-домовика.

16. *Winky began to tremble worse than ever.*

N [house-elf] + V + infinitive + Adj + conj + Adv

Простое предложение. Глагол «*tremble*» (трястись) также придает эльфу-домовику человеческие черты; эльф-домовик напуган и расстроен. Указано имя эльфа-домовика.

17. «*Winky is properly ashamed of being freed!*».

N [house-elf] + V + Adv + Adj + prp + V_{ing} + Adj

Простое предложение. В данном примере эльф-домовик испытывает чувство стыда за то, что у него нет хозяина; это говорит о том, что эти волшебные существа, несмотря на интеллект и наличие черт, приближающих их к человеку, привыкли безвозмездно служить людям и выносить грубое отношение к себе. Данная фраза сказана эльфом-домовиком о себе в третьем лице, что может свидетельствовать о том, что эти существа не воспринимают себя как личности, индивидуальности; они относятся к самим себе без уважения и не считают, что заслуживают его от других.

18. «*Dobby doesn't care what they think anymore!*».

N [house-elf] + V + what (Subordinate Clause; The Subject Clause) + Pronoun + V + Adv

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, которое вводится с помощью союза «*what*». Глагол «*care*» (беспокоиться) также придает существам человеческие черты в плане эмоциональных переживаний. Данная фраза также сказана эльфом-домовиком. Даже несмотря на то, что этот персонаж считает себя личностью, он также говорит о себе в третьем лице в виду, вероятно, привычки, выработанной из-за принятого отношения к эльфам-домовикам отношения в обществе.

19. *Harry could hear the gnome giggling madly [...].*

N + could + V + N [gnome] + V_{ing} + Adv

Простое предложение, в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Сочетание «*giggle madly*» (хихикать безумно) говорит о стереотипной демонической стороне существ, об их дикости и проказничестве.

20. *He [the cat] likes chasing gnomes, he's never seen any before.*

[1] Pronoun + V + V_{ing} + N [gnomes], [2] pronoun + Adv + V + pronoun [gnomes] + Adv

Это бессоюзное предложение. В романе гномы представлены как вредители, и то, что кот «*likes chasing gnomes*» (любит гоняться за гномами) придает гномам черты мышей или крыс.

Проанализировав модели подполя, можно сделать выводы: все представители подполя обладают разной сочетаемостью и характеристиками. Эльфы-домовики, как правило, доброжелательны по отношению к людям и хотят им служить; гоблины не любят людей. Высоким интеллектом и способностью к выражению эмоций и чувств обладают эльфы-домовики и гоблины; докси и гномы – вредители, от которых избавляются.

Последнее подполе – «духи». В данную тематическую группу вошли такие лексические единицы, как призрак (*ghost*), полтергейст (*poltergeist*), боггарт (*boggart*), дементор (*dementor*). На их основе можно выделить следующие модели сочетаемости:

1. *Candles floated in midair all along the tables, illuminating the silvery ghosts who were dotted about the Hall.*

N + V + prp + N + Adv + N + V_{ing} + Adj + N [ghosts] + who
(Subordinate Clause; Object Clause) + V + prp + N

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, выраженным с помощью союза «*who*». В состав главной части входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Лексема, обозначающая волшебное существо, представлена в главной части предложения и является исполнителем действия в придаточной.

2. *Neville winced; it was very uncomfortable to have a ghost lean through you.*

Pronoun + V + Adj + infinitive + N [ghost] + infinitive (V_{ph}) + pronoun

Данное предложение является простым предложением. Лексема, обозначающая волшебное существо, сочетается с фразовым глаголом «*lean through*» (наклониться через). Оно демонстрирует сверхъестественную способность призраков проходить сквозь предметы и даже людей.

3. *The ghost stuck its head back out of the wall, revealing the extravagantly plumed hat and dangerously wobbling head of Sir Nicholas de Mimsy-Porpington.*

N [ghost] + V + pronoun + N + Adv + prp + N + V_{ing} + Adv + V + N + conj
+ Adj + V_{ing} + N + prp + N

В модели изображена структура простого предложения, в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Фраза «*stuck its head out of the wall*» (высунуть голову из стены) вновь указывает на сверхъестественную способность призраков проходить сквозь предметы.

4. *[...], I had to conjure a Patronus while the Boggart was pretending to be a Dementor.*

Main clause + while (Subordinate Clause; Adverbial Clauses of Time) +
N [boggart] + V + infinitive + N

Данное предложение является сложноподчиненным, содержит придаточное обстоятельственного подтипа времени и вводится через союзное слово «*while*». Лексическая единица, обозначающая волшебное существо, находится в придаточной части. В данном примере с помощью глагола «*pretend*» (притворяться) демонстрируется способность одного существа из подполя выдавать себя за другое.

5. *Sirius was staring at the patch of carpet where the Boggart, pretending to be Harry's body, had lain.*

Main clause + where (Subordinate Clause; Adverbial Clauses of place)
+ N [boggart] + V + infinitive + N's + N + V

Данный пример представляет сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союзное слово «*where*». В состав придаточной части входит определение, выраженное через герундий. Лексическая единица подполя вновь сочетается с глаголом «*pretend*» (притворяться), что свидетельствует о способности существа менять свой облик даже на человеческий.

6. *The image of the Boggart posing as the corpse of each member of Mrs. Weasley's family in turn kept flashing before his eyes.*

N + prp + N [boggart] + V_{ing} + prp + N + ...

Данное предложение является простым, в его конструкцию входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Лексическая единица подполя сочетается с «*pose as*» (изображать из себя), что вновь свидетельствует о способности существа менять свой облик на человеческий.

7. *What must you think of me? Not even able to get rid of a Boggart.*

Adv + able to + V_{ph} + N [boggart]

Данное предложение является простым и представляет пример совершения действия по отношению к лексической единице, обозначающей волшебное существо, с помощью фразового глагола «*get rid of*» (избавиться

от). Этот фразовый глагол говорит об отношении к данному типу духов, как к паразиту, вредителю.

8. *An enormous silver stag erupted from the tip of Harry's wand; its antlers caught the Dementor in the place where the heart should have been.*

Pronoun + V + N + V + N [dementor] + prp + N + where (Subordinate Clause; Adverbial Clauses of place) + ...

Данное предложение является сложноподчиненным с придаточным обстоятельственного подтипа времени, которое вводится через союзное слово «*where*». Лексема, обозначающая волшебное существо, входит в главную часть предложения и является объектом действия. В данном примере персонаж-человек избавляется от духа с помощью магии; можно сделать вывод о враждебности данных существ, из-за чего персонажу приходится с ними сражаться.

9. *They're going to be more worried about what Dementors were doing floating around Wisteria Walk, surely?*

Main clause + what (Subordinate Clause; Object Clause) + N [dementors] + V + prp + N + Adv

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, которое вводится с помощью союза «*what*». Лексическая единица подполя представлена в придаточной части предложения, в состав которой входит постпозитивное определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие, образованное с помощью фразового глагола «*float around*» (летая вокруг). Этот фразовый глагол указывает на способность дементоров перемещаться по воздуху, а не по земле, что соответствует стереотипам о духах.

10. *Dementors caused a person to relive the worst moments of their life. N*

[dementors] + V + N + infinitive + Adj + N + prp + pronoun + N

Данная модель иллюстрирует простое предложение, в котором волшебное существо является субъектом действия. В данном примере

демонстрируется действие, которое можно истолковать, как враждебное, психологически безжалостное по отношению к человеку.

11. Had the Ministry of Magic lost control of the Dementors?

N + V + prp + N [dementors]

Это простое предложение, в котором волшебное существо является объектом воздействия. В данном примере говорится о контроле людей над данными существами на уровне министерства.

12. Nick was dressed tonight in his usual doublet.

N [the ghost] + V + Adv + prp + pronoun + Adj + N

Простое предложение. Фразой «*Nick was dressed*» указывается о возможности призраков носить одежду; но прилагательное «*usual*» дает понять, что наряды они менять не могут.

13. Meanwhile Professor Binns, the ghost who taught History of Magic, had them writing weekly essays [...].

Adv + N, N [ghost] + who (Subordinate Clause; Object Clause) + V + N, V + pronoun + Adj + N

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, которое вводится с помощью союза «*who*». В данном примере говорится о профессоре-призраке. Сочетание с призраком глагола «*teach*» (обучать) необычно; по сложившимся стереотипам призраки не вступают в полноценный контакт с людьми. Из примере же мы узнаем, что призрак преподает историю и задает домашнее задание; то есть способен разговаривать и размышлять.

14. He had never seen Moaning Myrtle so cheerful.

Pronoun + Adv + V + N [ghost] + Adv + Adj

Простое предложение. Прилагательное «*cheerful*» (веселый) указывает на способность призраков реагировать на происходящее в реальности и испытывать положительные эмоции, а также выражать их.

15. He ran this theory past Myrtle, who smirked at him.

Pronoun + V + pronoun + N + Adv + N [ghost], who (Subordinate Clause; Object Clause) + V + prp + pronoun

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, которое вводится с помощью союза «*who*». В данном примере демонстрируется пример коммуникации между персонажем-человеком и персонажем-призраком. Глаголом «*smirk*» (ухмыльнуться) указывает на выражение призраком эмоций, характерных человеку.

16. Myrtle's eyes filled with sudden tears again.

N's [ghost's] + N + V + prp + Adj + N + Adv

Простое предложение. В нем представлен пример переживания призраком отрицательных эмоций; «*в глазах появились неожиданные слезы*» говорит о способности существа проявлять сильные эмоции.

17. Moaning Myrtle actually giggled.

N [ghost] + Adv + V

Простое предложение. В данном примере призрак «*giggle*» (хихикает), что делает его близким к человеку в плане выражения эмоциональных переживаний и чувств.

18. He [The Bloody Baron] was the only person at Hogwarts who could really control Peeves.

Pronoun [ghost] + V + Adj + N + prp + N + who (Subordinate Clause; Object Clause) + could + Adv + V + N [the poltergeist]

Эта модель сочетаемости представляет сложноподчиненное предложение с придаточным дополнения, которое вводится с помощью союза «*who*». В данном примере демонстрируется способность призрака контролировать другого духа – полтергейста. Хотя указывается, что этот конкретный призрак – единственный, кто на это способен. То есть, можно заключить, что каждый призрак обладает индивидуальностью, как люди, а полтергейст – существо своенравное, мало поддающееся контролю.

19. Peeves has been stealing from a student.

N [poltergeist] + V + prp + N

Простое предложение. Глагол «*steal*» (украсть) говорится о злорадной натуре полтергейста.

20. “*Peeves the Poltergeist, throwing things around as usual*”.

N [poltergeist] + V_{ing} + N + Adv + Adj

Простое предложение, в состав которого входит определение, выраженное через неперфектное неpassивное причастие. Фраза «*throw things*» (разбрасывать вещи) указывает на стремление существа к хаосу, на его злорадность.

Проанализировав модели сочетаемости подполя «духи», можно сделать выводы: разные виды духов обладают разными характеристиками и семантической сочетаемостью. Призраки выражают эмоции и чувства, благосклонны к людям и общаются с ними; полтергейст вредит людям, но безобидно, в качестве проказы; боггаты – вредители, от которых избавляются, а дементоры – агрессоры.

2.2. Частотность употребления основных моделей сочетаемости для функционально-семантического поля

Для исследования функционально-семантического поля волшебных существ мы выделили 7 подполей, отобрав 137 примеров употребления автором романа-фэнтези. 54 из них составили сложные предложения, 83 – простые. В процентном соотношении они составляют 40% и 60% примеров соответственно.

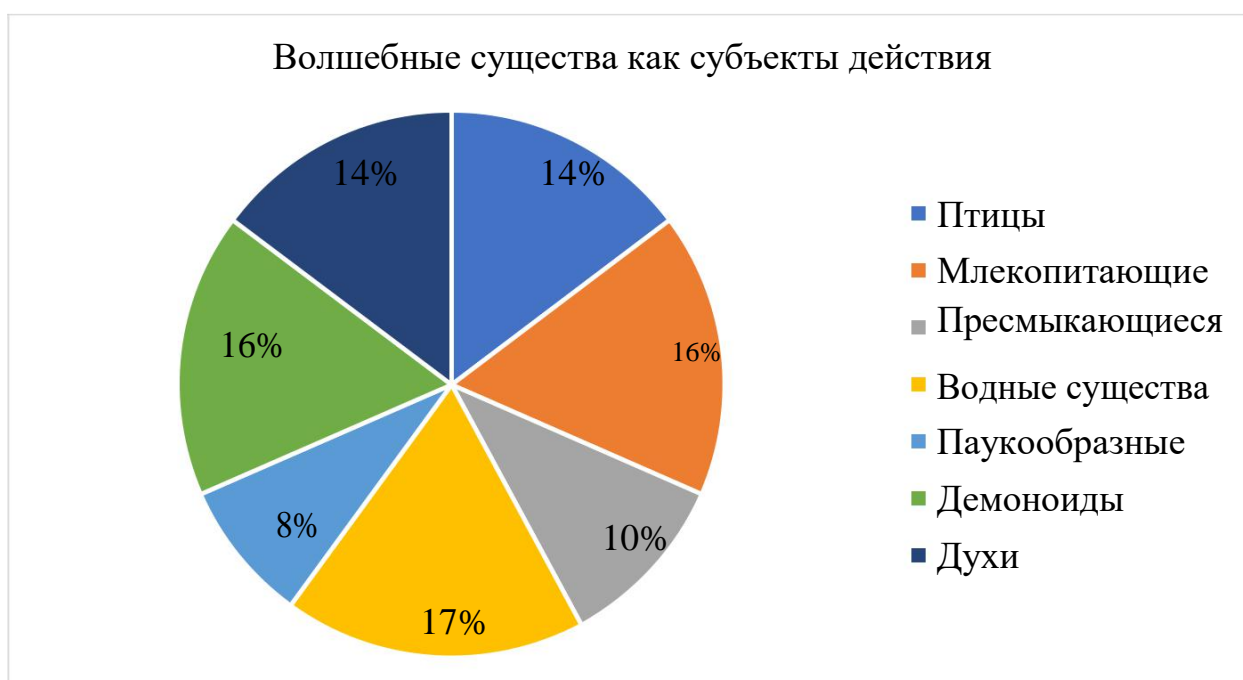
Проанализировав все примеры моделей, мы получили 102 (68%) случая употребления волшебного существа в качестве субъекта действия и 48 (32%) случаев употребления в качестве объекта.

Среди подполя «птицы» выделено 15 примеров употребления единиц в качестве субъекта действия, 6 – в качестве объекта. Среди млекопитающих найдено 17 примеров в качестве субъекта и 9 – объекта. Среди пресмыкающихся 11 в качестве субъектов действия и 8 в качестве объектов.

Среди водных существ 18 в качестве субъектов и 5 в качестве объектов. Среди употребления единиц подполя «паукообразные» 9 примеров существ как субъектов и 10 как объектов. Среди демоноидов 17 примеров совершения действия в качестве субъектов и 4 как объектов. Среди духов 15 случаев употребления как субъектов действия и 6 как объектов.

Сравним процентное соотношение употребления волшебных существ как субъектов действия.

Рисунок 1.

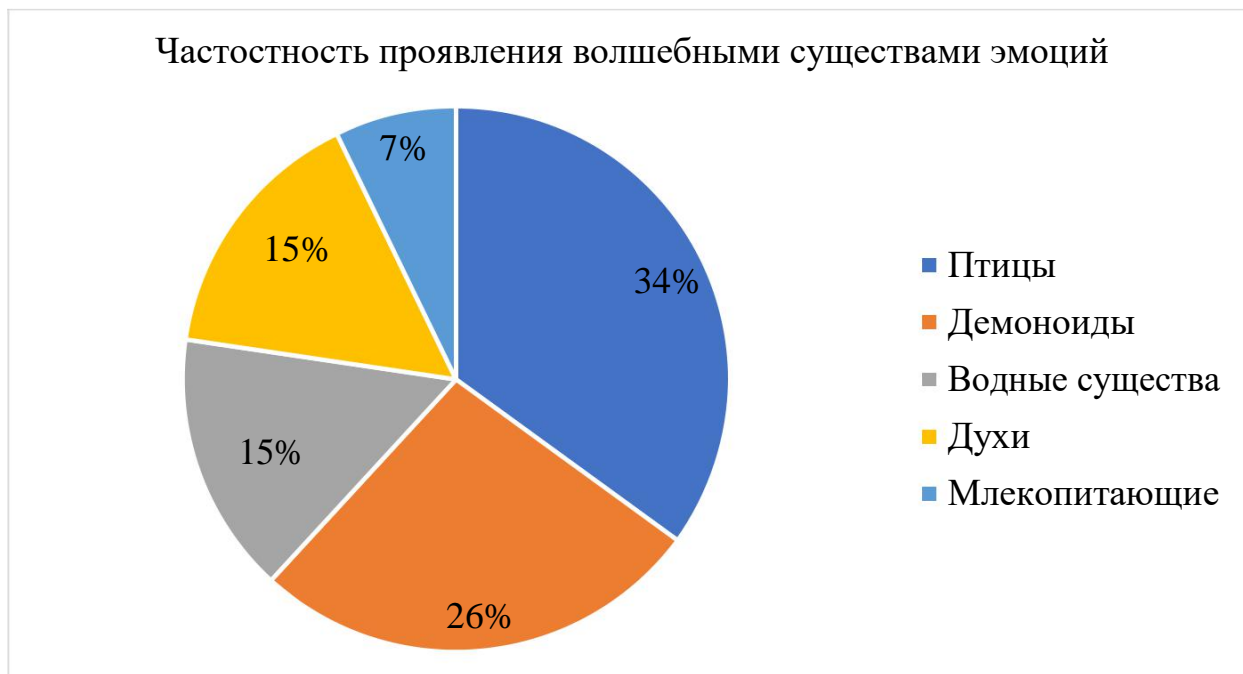
По данным диаграммы мы видим, что наиболее часто субъектами действия указаны единицы подполей «водные существа», «демоноиды», «млекопитающие». Наименьшей частотностью обладают единицы подполя «паукообразные». Можно отметить, что единицы всех подполей, чаще всего являвшимися субъектами, также чаще всех были наделены автором романов человеческими чертами, тогда как представители подполей, обладающих наименьшей частотностью, не проявляли человеческих черт, а также обладали наибольшей агрессивностью.

Рассмотрим данные характеристики подробнее.

Изучив модели, мы выделили всего 26 примеров проявления волшебными существами эмоций и чувств: 9 примеров птиц (34%);

7 примеров с демоноидами (26%); 4 с водными существами (15%); 4 с духами (15%); 2 примера с млекопитающими (7%) и отсутствие примеров с пресмыкающимися и пауками.

Рисунок 2.

По данным диаграммы мы видим, что чаще всего эмоции проявляют птицы и демоноиды; меньше всех – млекопитающие. Совсем не проявляют пресмыкающиеся и паукообразные.

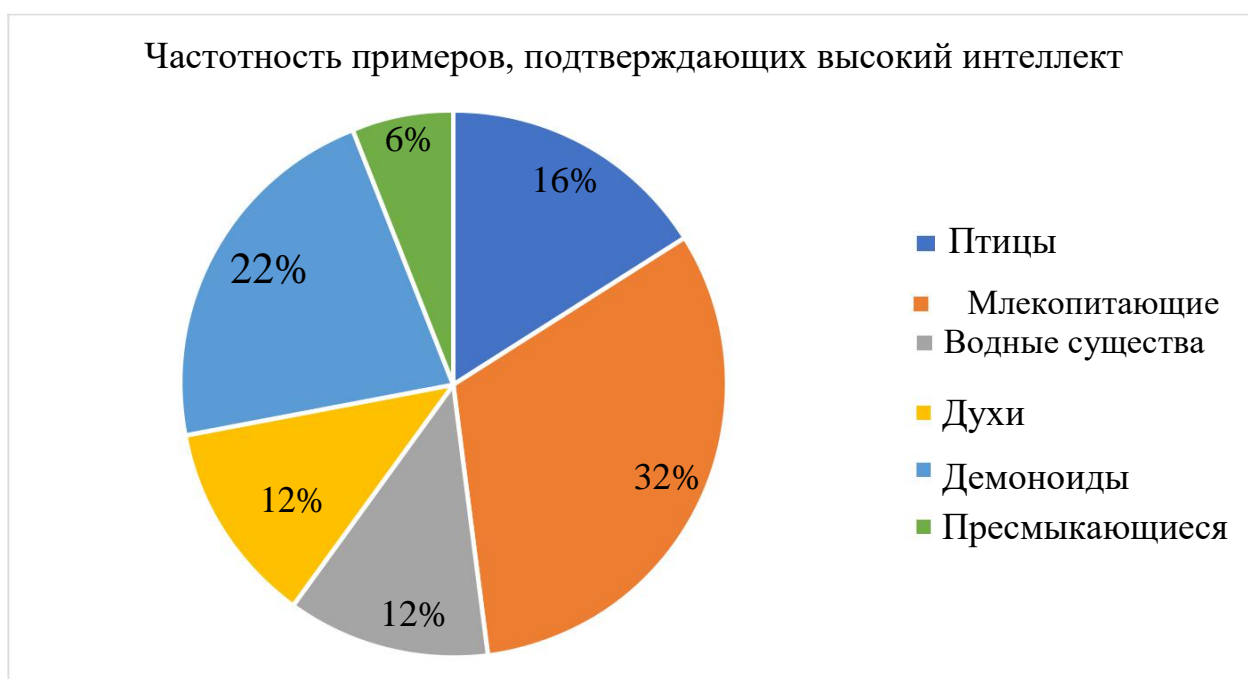
Можно заметить, что иногда встречаются примеры исполнения действий с помощью статичных глаголов. В частности, можно отметить случаи употребления глаголов желания и умственной деятельности у лексем, которые относятся к подполям «млекопитающие» и «демоноиды».

Мы обнаружили 11 примеров, демонстрирующих способность волшебных существ общаться словесно: 5 среди млекопитающих, по 2 среди демоноидов и духов, 1 среди водных существ и отсутствие примеров среди паукообразных. Также можно добавить 2 специфических примера среди пресмыкающихся, в которых продемонстрирована способность человека понимать их, но не способность существ общаться словесно.

Также мы обнаружили 20 примеров, где волшебные существа совершают действия, характерные только для человека (принимают плату, отливают деньги, преподают и т.д.): по 5 среди птиц и демоноидов, 4 среди млекопитающих, 3 среди водных существ, 2 среди духов, 1 среди пресмыкающихся и отсутствие примеров среди паукообразных.

Мы объединим примеры с демонстрацией способности общаться и примеры, где существа совершают действия, характерные только для человека в один общий показатель: показатель интеллекта. Подобных примеров не встречается только для поля паукообразных.

Рисунок 3.

По данным диаграммы можно заключить, что наиболее часто проявляют наличие высокого интеллекта млекопитающие и демоноиды. Реже всех – пресмыкающиеся. Совсем не проявляют паукообразные.

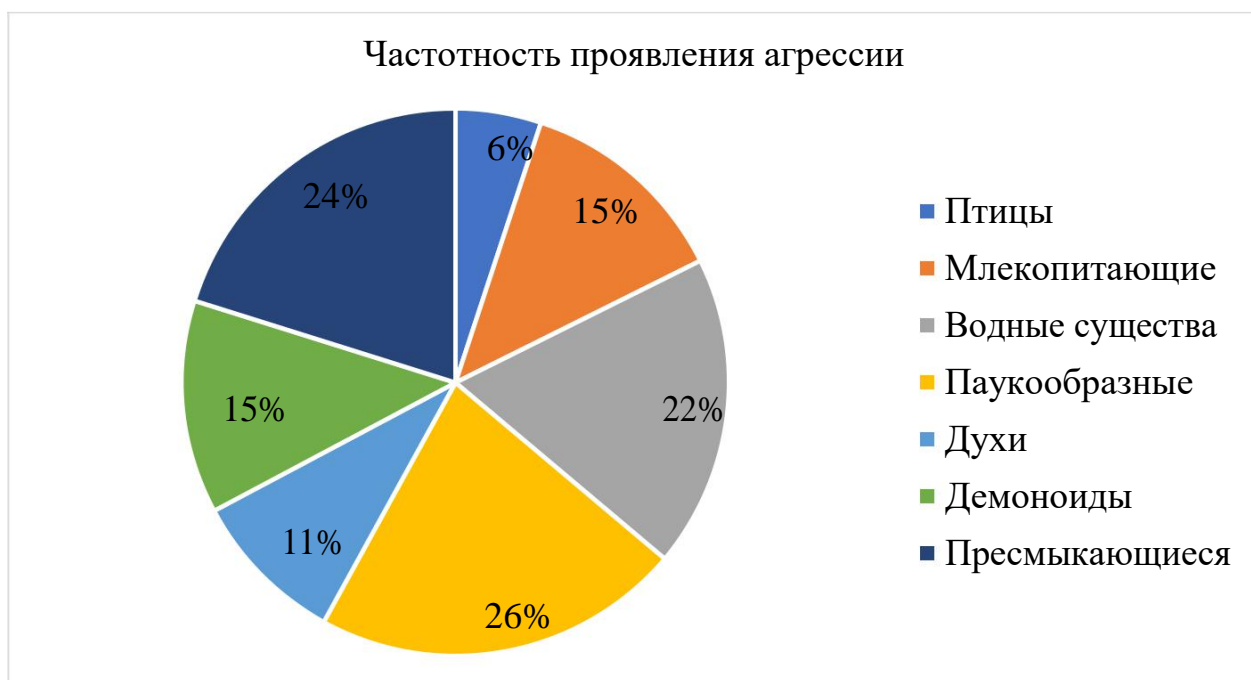
Часто встречаются глаголы динамического характера. Можно отметить, что совершение агрессивных действий встречается довольно часто, но, тем не менее, чаще всего используются нейтральные глаголы динамического характера, многие из которых обычно употребляются в сочетании с лексическими единицами, обозначающими человека.

Обратим внимание на частотность проявления агрессивных действий и враждебности как по отношению к волшебным существам со стороны человека или других существ, так и со стороны волшебных существ к человеку и к другим существам.

Среди моделей нам встретилось всего 35 примеров проявления агрессии по со стороны волшебных существ и 20 по отношению к ним: 2 примера проявления агрессии со стороны птиц и 1 по отношению к ним; 6 со стороны млекопитающих и 1 по отношению к ним; 7 со стороны водных существ и 3 по отношению к ним; 6 со стороны паукообразных и 6 по отношению к ним; 3 со стороны духов и 2 по отношению к ним; 6 со стороны демоноидов и 1 по отношению к ним; 5 со стороны пресмыкающихся и 6 по отношению к ним.

Объединим эти показатели в один общий: частотность проявления агрессии (и по отношению к существам, и с их стороны).

Рисунок 4.

На основе данных диаграммы можно сделать вывод, что наиболее опасны паукообразные и пресмыкающиеся. Менее всех опасны птицы.

Для более полного представления стоит также учесть проявление доброжелательности людей по отношению к волшебным существам и с их

стороны к людям. Всего примеров 13: 6 примеров с птицами (46%), 5 с млекопитающими (38%), 2 с демоноидами (15%). С остальными волшебными существами примеров не нашлось.

Таким образом, наименьшей агрессивностью и наибольшей доброжелательностью по отношению к людям и другим существам обладают ПТИЦЫ.

Выводы

Подводя итоги практической части нашей работы, можно сделать нижеизложенные выводы.

Функционально-семантическое поле волшебных существ в романе-фэнтези Дж. К. Роулинг можно разделить на 7 подполей: птицы, млекопитающие, водные существа, пресмыкающиеся, паукообразные, демоноиды и духи.

По отношению к действию волшебные существа в романе чаще всего являются субъектами, что во многом говорит о восприятии автором волшебных существ как полноценных персонажей романа, которые влияют на сюжет и являются полноценной составляющей серии книг о Гарри Поттере.

Наибольшей самостоятельностью действий обладают единицы, относящиеся к подполям «водные существа», «демоноиды» и «млекопитающие»; «демоноиды» также проявляют большую частотность, указывающую на эмоциональность и высокий интеллект, а также обладают именами собственными, что сближает их с людьми. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что не все представители подполя демонстрируют данные характеристики. Стоит заметить, что эльфы-домовики более доброжелательны к персонажам-людям, а гоблины же настроены враждебно; оба вида проявляют высокий уровень интеллекта. Другие же два вида «демоноидов» – докси и гномы, – интеллекта не проявляют, общаться словесно не способны, а также известны как вредители.

Единицы подполя «птицы» чаще всех проявляют эмоции и чувства, что, вероятно, связано с тем, что представители поля – совы, – являются наиболее часто встречающимися в качестве питомцев и незаменимых помощников героев романа.

Наибольшей частотностью примеров, указывающих на наличие высокого интеллекта, обладают млекопитающие; они же среди самых «самостоятельных» исполнителей действия и обладают средней частотностью

проявления агрессии и эмоций. Важно, однако, упомянуть, что среди своего поля лишь кентавры способны общаться словесно.

Водные существа часто являются субъектами действий и часто проявляют агрессию; обладают средней частотностью проявления эмоций и интеллекта. Низкую частотность двух последних показателей можно объяснить тем, что в подполе входят два совершенно разных по уровню развития вида.

Паукообразные и пресмыкающиеся проявляют наибольшую частотностью проявления агрессии, обладают низким уровнем интеллекта и не проявляют эмоций. Данные группы существ почти невозможно приручить или контролировать. По этой причине очень часто представители подполей предстают в качестве объектов действия; персонажам-людям часто приходится сражаться с ними.

Духи проявляют среднюю агрессивность, проявление эмоций и интеллекта. Данные можно объяснить тем, что и здесь разные виды существ обладают очень разными характеристиками; призраки во многом схожи с людьми, а боггарты и дементоры – злые существа, не имеющие ничего общего с человеком. Из-за этого данные по этому подполю средние.

Индивидуальная авторская особенность Дж. К. Роулинг в том, что она наделяет многих волшебных существ человеческими признаками; гоблины куют монеты, совы принимают плату за посылки, призраки преподают в школе и т.д. Однако, разные виды одного подполя могут обладать разными характеристиками, отражающими уровень интеллекта, способность проявлять эмоции и враждебность. Каждый вид обладает собственными индивидуальными чертами и характерной сочетаемостью.

Заключение

В рамках данной работы мы обратились к исследованию моделей сочетаемости функционально-семантических полей. Проведя наше исследование, мы смогли выявить и описать основные модели сочетаемости функционально-семантического поля «волшебные существа» в романах-фэнтези Дж. К. Роулинг.

Мы сделали это, изучив основные подходы к трактовке понятий «функционально-семантическое поле» и «модель сочетаемости», а также особенности применения данных понятий в преподавании иностранных языков. Мы подробно рассмотрели термин функционально-семантического поля, особенности выделения полей, их типы, свойства, структуру, преимущества. Также мы рассмотрели термин «модель сочетаемости», связанные с ним понятия, изучили отечественные и зарубежные методики, касающиеся обучения сочетаемости слов, а также лингвистические концепции, касающиеся этого вопроса.

При написании курсовой работы по теме исследования нами был произведен отбор 137 примеров использования лексических единиц, входящих в функционально-семантическое поле волшебных существ из романов-фэнтези Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и Кубок Огня» и «Гарри Поттер и Орден Феникса». Мы разделили все лексические единицы поля на 7 подполей: «птицы», «млекопитающие», «водные существа», «паукообразные», «пресмыкающиеся», «демоноиды», «духи». Мы определили и описали модели сочетаемости примеров каждого подполя.

В результате исследования мы получили некоторые данные, в том числе в виде диаграмм, которые отражают частоту употребления моделей сочетаемости в том или ином контексте анализа. Наиболее часто нам встречалось употребление лексем, номинируемых волшебных существ, в качестве субъектов действия. Из них наибольшей частотностью обладают единицы подполя «водные существа». Наибольшая частотность употребления

в сочетании с лексемами, номинирующими проявление эмоций и чувств, выявлена у единиц поля «птицы». Также, благодаря анализу моделей мы выявили, что наиболее агрессивны «паукообразные»; наименее – «птицы». «Млекопитающие» обладают наибольшей частотностью сочетания с лексемами, указывающими на обладание высокого интеллекта. Однако, не только единицы разных подполей обладают разными характерными особенностями, но и разные единицы одного подполя. Дж. К. Роулинг наделяет многих волшебных существ человеческими признаками: эмоциями, способностью говорить и т.д.

Данное исследование дает предпосылки для дальнейшего изучения индивидуальных авторских особенностей построения грамматических конструкций на материале художественного англоязычного текста.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. – Л.: Наука, 1988. – 239 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII. – 472 с.
3. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» / Психология человека. 2007. [Электронный ресурс]. – URL: <https://psibook.com/linguistics/ponyatie-semanticheskoe-pole.html> (дата обращения: 15.03.2018)
4. Блох М.Я. Поле эпистемической модальности в пространстве текста. – М.: МПГУ – Прометей, 2011. – 154 с.
5. Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. – С-Пб.: Наука, 2005. – 478 с.
6. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, ЛО, 1971. – 114 с.
7. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Л.: «Наука», 1984. – 134 с.
8. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Отв. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
9. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: «Наука», 1987. – С. 5-39.
10. Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 566-567.
11. Босова Л.М. Построение и анализ семантического поля / Лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул, 1980. – С. 43-56.

12. Боровикова Н.А. Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 197 с.
13. Варбот Ж. Ж., Журавлёв А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – М.: Российская академия наук: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. б/г., 1998. – 54 с.
14. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. №5. 1971. – С. 105-113.
15. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. Учебное пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
16. Гак В.Г. Валентность / Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
17. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Studia philologica, 1998. – 768 с.
18. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М.: Просвещение, 1969. – 184 с.
19. Денисов П.Н. О сочетаемости слов // Русский язык за рубежом. – 1974. – №1. – С.73-76.
20. Дмитриева В.С. К проблеме изучения лексико-семантических связей слов в истории отечественного языкознания / Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф.: Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С.11-12.
21. Дорофеева Т.М. Синтаксические свойства слова в свете коммуникативных задач обучения // Сочетаемость и вопросы обучения русскому языку иностранцев: Сб. статей / под ред. В.В. Морковкина – М.: Русский язык, 1984. – С.106-113.
22. Дорофеева Т.М. Некоторые проблемы синтаксической сочетаемости глаголов / Русский язык за рубежом. – 1970. – №1 – С.51-55.

23. Иванова Т.В. Технологии и методики обучения иностранным языкам. Часть I/ Иванова Т.В.; Киреева З.Р.; Сухова И.А. – Уфа: Изд. БГПУ, 2009. – 126 с.
24. Ключева Е.В. Актуализация пространственно-временного дейксиса в языке электронного общения (на материале немецкоязычных Интернет-дневников): диссертация кандидата филологических наук. – МПГУ. – М., 2016. – 179 с.
25. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. Учебное пособие. – М.: Эдичориал УРСС, 2000. – 352 с.
26. Кондратьева М.А. Стилистический потенциал компонентов функционально-семантического поля сравнения в немецком языке (на материале публицистических текстов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – МПГУ. – М., 2014. – 248 с.
27. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. – Л.: Наука, 1975. – 73с.
28. Котелова Н.З. Лексическая сочетаемость слова в современном русском языке: автореферат диссертации доктора филологических наук. – Л., 1977. – 39 с.
29. Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/09/3736> (дата обращения: 11.01.2018).
30. Кривченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения / Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 99-103.
31. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. – 2006. – № 4 (11). – С. 173-178.

32. Лазаревич Е. М. Семантические изменения как источник формирования эвфемистических номинаций беременности (на материале английского языка) // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2014 г.). – М.: Буки-Веди, 2014. – С. 86-88. [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/107/5014/> (дата обращения: 28.01.2018).

33. Лебедева М.Н. Некоторые методические аспекты работы над глагольной сочетаемостью // Русский язык за рубежом. – 1983. – №5. – С. 74-76

34. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. Учебник для филологических и лингвистических факультетов вузов. 2-е издание. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.

35. Морковкин В.В. Сочетательные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации. В кн.: Проблемы сочетаемости слов / Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. – М., 1979. – №145. – С.128-137.

36. Никитин М.В. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное и исправленное. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 819 с.

37. Пассов Е.И., Кузнецова Е.С. Формирование лексических навыков. – Воронеж: НОУ "Интерлингва", 2002. – 40 с.

38. Панкина М.Ф. Типы семантической сочетаемости глаголов самостоятельного перемещения в русском и немецком языках. – М.: Компания Спутник, 2007. – 125 с.

39. Петросьян М.Г. Функционально-семантический подход к изучению категории экзистенциальности // Сборник научных работ аспирантов и молодых преподавателей. Ч. 3: Филология. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 1999. – С. 98-111.

40. Плещенко Т.П. Стилистика и культуры речи: Учеб. Пособие // Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Чечет; Под ред. П.П. Шубы. – Мн. 2001. – 544 с.

41. Полевые структуры в системе языка / Под. ред. З.Д. Поповой – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 198 с.
42. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. – М.: Высш. шк., 1990. – 381 с.
43. Роменская М.Ю. Микрополе косвенного запрета функционально-семантического поля запрета в современном русском языке // Речевая деятельность. Текст: Межвуз. сб. научн. тр. / Отв. ред. Н.А. Сенина. – Таганрог: Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2002. – С. 185-189.
44. Самарина Н.В. Функционально-семантическое поле как объект изучения в современной грамматике // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – №1. – 5 с.
45. Синтагма (лингвистика) // Википедия. [2018]. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=91906093> (дата обращения: 05.04.2018).
46. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 138 с.
47. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: УРСС, 2004. – 256 с.
48. Харитончик З. А. Лексикология английского языка: Учеб. пособие. – Мн.: Выш. шк., 1992. – 229 с.
49. Чеснокова Л.Д. Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие ее // Сочетаемость языковых единиц. – Ростов, 1968. – 151 с.
50. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентой семантики его единиц. Учебное пособие. / С. Г. Шафиков; Науч. ред. Л.М. Васильев. – М-во образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. – Уфа: Башк. ун-т, 1999. – 88 с.
51. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Просвещение, 1973. – 244 с.
52. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

53. Функционально-семантические и словообразовательные поля в лингвистике. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского государственного педагогического университета, 1998. – 360 с.
54. Biggs C. In a word, meaning // *Linguistic Controversies: Essays in Linguistic Theory and Honour of F.R. Palmer*. – London, 1982. – P. 108-121.
55. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // *Historical Semantics and Cognition*. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 61–99.
56. Brinton L.J. *The Structure of Modern English: A Linguistic Introduction (Illustrated ed.)*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 112 p.
57. Brinton L.J. *The structure of modern English: a linguistic introduction. Illustrated edition*. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 335 p.
58. Cook V. *Second Language Learning and Language Teaching*. – London: Oxford University Press, 1996. – 240 p.
59. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen. // *Stand und Aufgabe der Sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streiberg*. – Heidelberg: Winter, 1924. – XIX. – S. 30-45.
60. Lewis M. *Implementing The Lexical Approach: Putting Theory into Practice*. – London: Language Teaching Publications, 1997. – 233 p.
61. Lewis M. *The Lexical Approach: The State of ELT and a Way Forward*. – London: Language Teaching Publications, 1996. – 200 p.
62. Lewis M. *Teaching Collocation: Further Development in the Lexical Approach*. – London: Language Teaching Publications, 2000. – 155-184.
63. Hearst M. «Automatic acquisition of hyponyms from large text corpora». – *Proceedings of 14th International Conference on Computational Linguistics*, 1992. – 539 p.
64. Howard J., Etienne Zé Amvela, *Words, Meaning, and Vocabulary*. – London: Continuum, 2000. – 14 p.

65. Snow R., Daniel J., Andrew Y. Ng. «Learning syntactic patterns for automatic hypernym discovery» (PDF). – Advances in Neural Information Processing Systems, 2004. – 17 p.

66. Stede M. «The hyperonym problem revisited: Conceptual and lexical hierarchies in language generation – W00-1413» (PDF). – Association for Computational Linguistics, 2000. – p. 93–99.

67. Rowling J.K. Harry Potter and the Goblet of Fire. – UK: Bloomsbury, 2000. – 636 p.

68. Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. – UK: Bloomsbury, 2003. – 766 p.

Список лексикографических источников:

69. Ахманова О.С. Коллокация. Словарь лингвистических терминов. – М, 2004. – 608 с.

70. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

71. Тихонов А. Н. Справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. – Энциклопедический словарь – М.: Флинта; Наука, 2008. – С. 492.

72. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textologia.ru> (дата обращения: 13.12.2017).

73. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 14.12.2017)

74. Fernald J. C. English synonyms and antonyms – London: Osново, 2001. – 257 p.

75. The Oxford thesaurus dictionary of synonyms – England: Oxford University Press, 2004. – 1035 p.